Гуманитарные исследования Центральной России

Humanities researches of the Central Russia

№ 3 (8), 2018

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-65656 от 13 мая 2016 г.)

Информация о материалах научного журнала предоставлена в систему РИНЦ по договору № 151-03/2017 от 29.03.2017 г.

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
398020, Российская Федерация,
Липецкая область,
г. Липецк, ул. Ленина, д. 42

РЕДАКЦИЯ:
398020, Российская Федерация,
Липецкая область,
г. Липецк, ул. Ленина, д. 42
Телефон: +7 (4742) 32-83-12

Издается с 2016 года.
Периодичность издания – 4 раза в год.

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University"
42, Lenina St.,
398020, Lipetsk, Lipetsk region, Russia

EDITORIAL OFFICE:
42, Lenina St.,
398020,
Lipetsk, Lipetsk region, Russia
Telephone: +7 (4742) 32-83-12

Published since 2016.
Publication frequency: quarterly.

e-mail: gicr-lspu@yandex.ru
http://lspu-lipetsk.ru/giceros

При цитировании ссылка на журнал «Гуманитарные исследования Центральной России» обязательна.
Полное или частичное воспроизведение в СМИ материалов, опубликованных в журнале, допускается только с разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», 2018

16 +

Научный журнал «Гуманитарные исследования Центральной России» публикует научные материалы результатов фундаментальных и прикладных исследований по широкому спектру проблем гуманитарного знания.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников согласно Номенклатуре специальностей научных работников по следующим отраслям наук:

07.00.00 Исторические науки и археология
13.00.00 Педагогические науки
22.00.00 Социологические науки

Журнал осуществляет научное рецензирование (двустороннее слепое) всех поступающих в редакцию материалов с целью экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Рецензии хранятся в издательстве и редакции в течение 5 лет.

Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики, в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования, изданий и авторства научных публикаций и рекомендаций Комитета по этике научных публикаций.

Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

The scientific journal «Humanities researches of the Central Russia» publishes scientific papers results of basic and applied researches in a wide range of humanitarian problems.

The content and the titles of sections correspond to the scientific branches and to the scientists' specialties groups according to the Nomenclature of specialties for scientists:

07.00.00 Historical sciences
13.00.00 Pedagogical sciences
22.00.00 Sociological sciences

For the complex expert evaluation all manuscripts undergo "double-blind" review. All the reviewers are acknowledged experts in areas they are responsible for. The Reviews are stored in the publishing house and publishing office during 5 years.

The Editorial staff sends to the submitted materials' authors the reviews'copies or a substantiated refusal. The Editorial staff of the journal sends the reviews' copies to the Ministry of Education and Science of the Russian Federation by request.

«Humanities researches of the Central Russia» journal is registered in the Russian Index of Scientific Citations and submits information about the published articles to the Russian Index of Scientific Citations. The opinions expressed by the journals' authors do not necessarily reflect those of the Editorial Staff.

The journal is indexed and archived by the Russian Index of Scientific Citations.

Редакционный совет

Богуславский Михаил Викторович, главный редактор, заведующий Центром истории педагогики и образования Института стратегии развития образования РАО, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО (г. Москва, Россия).

Бурмыкина Ирина Викторовна, заместитель главного редактора, проректор по научной работе ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, профессор кафедры управления, доктор социологических наук (г. Липецк, Россия).

Попова Елена Сергеевна, **ответственный секретарь,** заместитель заведующего библиотекой ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского (г. Липецк, Россия).

Бабинцев Валентин Павлович, профессор кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук (г. Белгород, Россия).

Беляков Владимир Владимирович, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Военного университета МО РФ, доктор исторических наук (г. Москва, Россия).

Габор Дьёни, научный сотрудник университета имени Лоранда Этвеша, Центр русистики, кандидат исторических наук (г. Будапешт, Венгрия).

Грот Лидия Павловна, директор консалтингово-образовательного предприятия «НОРРКОН АБ», кандидат исторических наук (г. Лулео, Швеция).

Захаров Виктор Николаевич, заместитель директора Института российской истории РАН, профессор, доктор исторических наук (г. Москва, Россия).

Мельникова Раиса Ильинична, ректор Воронежского института экономики и социального управления, профессор, доктор социологических наук (г. Воронеж, Россия).

Скворцова Светлана Алексеевна, профессор кафедры математики и методики ее обучения Южноукраинского национального педагогического университета имени К.Д. Ушинского, доктор педагогических наук (г. Одесса, Украина).

Федина Нина Владимировна, и.о. ректора ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доцент, кандидат педагогических наук (г. Липецк, Россия).

Mikhail V. Boguslavskiy, editor in chief, head of the Centre history of pedagogy and education of the Institute of the education development strategy of RAE, Dr. Sci (Pedagogy), professor, corresponding member of RAE (Moscow, Russia).

Irina V. Burmykina, deputy editor in chief, Dr. Sci (Sociology), professor, Chair of management, provost, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Elena S. Popova, executive editor, deputy head of the library , Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Valentin P. Babintsev, Dr. Sci (Philosophy), professor, chair of social technologies, Belgorod State University (Belgorod, Russia).

Vladimir V. Belyakov, Dr. Sci (History), leading researcher of the Institute of oriental studies RAS, professor, Military University (Ministry of Defence of the RF) (Moscow, Russia).

Gabor Dëni, Ph. D. (History), researcher, Loránd Eötvös University, Russian Studies center (Budapest, Hungary).

Lydia P. Groth, Ph. D. (History), director of consulting and educational enterprise "NORRKON AB" (Lulea, Sweden).

Viktor N. Zakharov, Dr. Sci (History), professor, deputy director of the Russian History Institute (RAS) (Moscow, Russia).

Raisa I. Melnikova, Dr. Sci (Sociology), Rector of Voronezh Economics and Social Management Institute, professor (Voronezh, Russia).

Svetlana A. Skvortsova, Dr. Sci (Pedagogy), professor, chair of mathematics and teaching methods, South Ukrainian national pedagogical university named after K.D. Ushynsky (Odessa, Ukraine).

Nina V. Fedina, Ph.D. (Pedagogy), acting rector of Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, docent (Lipetsk, Russia).

Редакционная коллегия

Акульшин Петр Владимирович, профессор Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, научно-образовательного центра историко-гуманитарных и социально-экономических исследований, доктор исторических наук (г. Рязань, Россия) SPIN-код: 8089-8188, AuthorID: 658500

Буховец Олег Григорьевич, профессор Белорусского государственного экономического университета, Института Европы РАН, кафедры политологии, доктор исторических наук (г. Минск, Белоруссия) SPIN-код: 6591-4001, AuthorID: 250046

Вашкау Нина Эмильевна, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Данакин Николай Семенович, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова, доктор социологических наук (г. Белгород, Россия).

Долгих Аркадий Наумович, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Дюжакова Марина Вячеславовна, заведующая кафедрой педагогики и методики дошкольного и начального образования Воронежского государственного педагогического университета, доцент, доктор педагогических наук (г. Воронеж, Россия).

Егорова Галина Ивановна, заведующая кафедрой химии и химической технологии Тюменского индустриального университета (филиал в г. Тобольске), профессор, доктор педагогических наук, член-корреспондент РАЕ (г. Тобольск, Россия).

Елисеев Владимир Константинович, заведующий кафедрой педагогики, психологии и специального образования, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, профессор, доктор педагогических наук (г. Липецк, Россия).

Емельянова Елена Олеговна, профессор кафедры географии, биологии и химии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор педагогических наук (г. Липецк, Россия).

Земцов Леонид Иосифович, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Катаев Дмитрий Валентинович, доцент кафедры философии, социологии и теологии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор социологических наук (г. Липецк, Россия).

Климов Владимир Игоревич, заведующий кафедрой музыкального образования ЕГУ имени И.А. Бунина, кандидат педагогических наук (г. Елец, Россия) SPIN-код: 4625-3198, AuthorID: 707018

Лазарева Мария Васильевна, заведующая кафедрой дошкольного и начального образования ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, профессор, доктор педагогических наук (г. Липецк, Россия).

Мангер Татьяна Эдуардовна, заведующая отделением допрофессионального образования Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, профессор, доктор педагогических наук (г. Тамбов, Россия).

Мауль Виктор Яковлевич, профессор Тюменского индустриального университета, Нижневартовского филиала, доктор исторических наук, (г. Нижневартовск, Россия) SPIN-код: 3232-3483, AuthorID: 190241

Патрушев Владимир Иванович, профессор Одинцовского гуманитарного университета, доктор социологических наук (г. Одинцово, Россия).

Editorial board

Перевезенцев Сергей Вячеславович, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук (г. Москва, Россия).

Романенко Сергей Александрович, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, историко-архивного института, отделения международных отношений и зарубежного регионоведения, Российского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук (г. Москва, Россия) SPIN-код: 4151-8910, AuthorID: 502310

Рослякова Надежда Ивановна, заведующая кафедрой дошкольной педагогики и психологии факультета педагогики, психологии и коммуникативистики Кубанского государственного университета, профессор, доктор педагогических наук (г. Краснодар, Россия).

Рюдигер Хартмут Петер, PhD Университет Мартина Лютера (Халле, ФРГ)

Стрелец Михаил Васильевич, профессор кафедры социально-политических и исторических наук, Брестского государственного технического университета, доктор исторических наук (г. Брест, Белоруссия) SPIN-код: 9395-8022, AuthorID: 508431

Фомин Вячеслав Васильевич, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Хавкин Борис Львович, профессор Российского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук (г. Москва, Россия) SPIN-код: 6830-2158, AuthorID: 708640

Хитов Митко Михайлов, доктор экономики Университета национального и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

Черешнева Лариса Александровна, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор исторических наук (г. Липецк, Россия).

Шмарион Юрий Васильевич, профессор кафедры философии, социологии и теологии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, доктор социологических наук (г. Липецк, Россия).

Эльфонд Ирина Яковлевна, профессор Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А., Института урбанистики, архитектуры и строительства, доктор исторических наук (г. Саратов, Россия) SPIN-код: 7226-2920, AuthorID: 153283

Peter V. Akulshin, Dr. Sci (History), professor Ryazan State University S.A. Esenin (Ryazan, Russia)

Oleg G. Buhovec, Dr. Sci (History), professor Belorussian State Economic University (Minsk, Russia)

Nina E. Vashkau, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Nikolai S. Danakin, Dr. Sci (Sociology), professor, chair of sociology and administration, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov (Belgorod, Russia).

Arkadiy N. Dolgikh, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Marina V. Dyuzhakova, Dr. Sci (Pedagogy), docent, head of pedagogy and methodology of preschool and primary education chair, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russia).

Galina I. Yegorova, Dr. Sci (Pedagogy), professor, head of chemistry and chemical technology chair, Tyumen industrial University (branch in Tobolsk), corresponding member of RANH (Tobolsk, Russia).

Vladimir K. Eliseev, Dr. Sci (Psychology), professor, head of pedagogy, psychology and special education chair, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Elena O. Emel'janova, Dr. Sci (Pedagogy), professor, Chair of geography, biology and chemistry, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Leonid I. Zemtsov, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Dmitry V. Kataev, Dr. Sci (Sociology), docent, Chair of philosophy, sociology and theology, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Vladimir I. Klimov, Ph.D. (Pedagogy), Bunin Yelets State University (Yelets, Russia)

Maria V. Lazareva, Dr. Sci (Pedagogy), docent, head of chair of Preschool and Primary Education, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Tatiana E. Munger, Dr. Sci (Pedagogy), professor, head of pre-professional education Department, Tambov State Derzhavin University (Tambov, Russia).

Victor Ya. Maul, Dr. Sci (History), Industrial University of Tyumen (Nizhnevartovsk, Russia)

Vladimir I. Patrushev, Dr. Sci (Sociology), professor, Odintsovo humanities University (Odintsovo, Russia).

Sergey V. Perevesentsev, Dr. Sci (History), professor, chair of the history of socio-political doctrines, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Sergey A. Romanenko, Dr. Sci (History), professor Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Nadezhda I. Roslyakova, Dr. Sci (Pedagogy), professor, head of preschool pedagogy and psychology chair, Kuban State University (Krasnodar, Russia).

Hartmut Peter Rudiger, PhD Martin Luther University (Halle, Germany)

Mikhail V. Strelets, Dr. Sci (History), professor, Brest State Technical University (Brest, Belarus)

Vyacheslav V. Fomin, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Editorial board

Boris L. Havkin, Dr. Sci (History), professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Mitko M. Hitov, Dr. Sci (Economy), University of national and world economy (Sofia, Bulgaria)

Larisa A. Chereshneva, Dr. Sci (History), professor, Chair of Russian and world history, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Yuri V. Shmarion, Dr. Sci (Sociology), professor, Chair of philosophy, sociology and theology, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia).

Irina Ya. Elfond, Dr. Sci (History), professor, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov (Saratov, Russia)

Содержание

ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ляпин Д.А., Гайтерова К.Ю.
Специфика распределения пограничных земель на юге России во второй половине XVII в. (на примере Елецкого и Землянского уездов)……9

Петрухинцев Н.Н.
Служилые люди «по прибору» южных городов России и военная реформа Алексея Михайловича (на примере служилых «городов» Липецкого края)……..21

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ

Малетина Е.А.
Опыт взаимодействия органов государственной власти и общественных организаций с лицами, отбывшими наказание в местах лишения свободы, в рамках программ ресоциализации……..44

Воробьева С.А.
Некоторые аспекты организации самостоятельной работы студентов в классе хорового дирижирования в условиях бакалавриата……51

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ

Кузьмина Е.В.
Проблемы содержания школьного исторического образования в трудах отечественных историков 60-х годов XIX века……63

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ

Линченко А.А.
Миграционный опыт и травмы индивидуальной памяти в автобиографических рассказах русских немцев в ФРГ: Опыт социологического исследования…….72

Жукова С.П.
Экзистенциальное значение моральной составляющей исторической культуры……87

Иванов А.Г.
Имперский миф – «метауровень» политической мифологии……96

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ……104

PROBLEMS OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Lyapin D.A, Gaiterova K.Yu.
Distribution specificity of frontier lands in the south of Russia in the second half of the 17th century (examplified by Elets and Zemlyansk parishes)…… 9

Petrukhintsev N.N.
State servicemen “po priboru” from southern Russian towns and the millitary reform of Aleksey Mikhailovich (examplified by state-service “towns” of Lipetsk region)…… 21

ACTUAL PROBLEMS OF MODERN PEDAGOGY

Maletina E. A.
Experience of interaction of public authorities and public organizations with people, who have served their sentences in penitentiaries, in the framework of re-socialization programs……44

Vorobyova S.A.
Some aspects of organization of individual work of students in choir conducting class in the context of bachelor training……51

HISTORY OF RUSSIAN PEDAGOGY

Kuzmina E.V.
The problems of the content of school historical education in the works of russian historians in the 60-s of the 19th century……..63

CONTEMPORARY ISSUES OF SOCIOLOGY

Linchenko A.A.
Migration experience and personal memory traumas in the autobiographical narratives of the russian germans in federal republic of Germany: The experience of sociological study……72

Zhukova S.P.
Existential significnce of a moral component of historical culture……..87

Ivanov A.G.
The imperial myth – a «meta-level» of political mythology……96

INFORMATION ABOUT AUTHORS……105

ВОПРОСЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

УДК 94(470)

СПЕЦИФИКА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПОГРАНИЧНЫХ ЗЕМЕЛЬ НА ЮГЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В. (НА ПРИМЕРЕ ЕЛЕЦКОГО И ЗЕМЛЯНСКОГО УЕЗДОВ)

Д.А. Ляпин, К.Ю. Гайтерова

В статье рассматриваются особенности заселения региона Юга России в XVII в. В центре внимания авторов – проблема распределения участков пограничных земель между уездами. Теоретические выводы делаются на примере Елецкого и Землянского уездов. Авторы показывают, что распределение пустых участков на границах уездов было связано с развитием однодворческого землевладения. Мелкие помещики выступали инициаторами распределения пограничных земель, продолжая сохранять свои традиционные формы землепользования. В статье также отмечается корпоративность однодворческих поселений, допускавшая расселение помещиков одного уезда на территории соседнего.

Ключевые слова: Юг России, однодворцы, помещики, Елецкий уезд, Землянский уезд, пограничье.

THE SPECIFICITY OF DISTRIBUTION OF BORDER LAND IN THE SOUTH OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XVII CENTURY. (ON THE EXAMPLE OF THE LETTERS AND EARTH REGIONS)

D.A Lyapin, K.Yu. Gaiterova

The article considers the peculiarities of settlement in the South Russia region in the 17th century. The authors focus their attention on the distribution of frontier lands between parishes. Theoretical conclusions are made using the examples of Yelets and Zemlyansk parishes. The authors show that distribution of unoccupied lands at parish borders was linked to the development of small landowners' (odnodvorcy) land tenure. Small landowners were the initiators of distribution of frontier lands. At the same time they continued maintaining their traditional forms of land use. The article also mentions the cooperativeness of small landlords, which led to the resettlement of landowners of one parish to a neighbouring one.

Key words: South of Russia, homesteaders, landlords, Yelets parish, Zemlyansk parish, frontier land.

Процесс колонизации пространств Юга России в XVII в. происходил одновременно с ростом численности местного населения и развитием сельских поселений региона. Эти процессы в свою очередь стимулировали развитие служилого землевладения, которое было основным средством хозяйственного освоения данной территории. Развитие служилого землевладения напрямую зависело от военной обстановки в регионе, поскольку колонизация края велась в условиях военных действий русской и татарской армий. Крымские татары и ногайцы стремились воспользоваться продвижением русских границ на юг, чтобы захватить пленных, угнать скот и ограбить первопоселенцев этих мест. Крупные военные действия велись не так часто, но мелкие набеги происходили постоянно [16, с. 7-9]. Военное противостояние было одним из важнейших факторов колонизации Юга России, оно создавало специфические особенности данной фронтирной территории [27, p. 12-14].

Юг России – географическое название, принятое в современной исторической науке, является в определенной степени условным, и в XVII в. оно не употреблялось как конкретная административная или территориальная категория. Однако если мы посмотрим на карту Европейской части России того времени, то увидим условные границы Юга страны: эта территория южнее Оки, основную часть которой занимало огромное «Поле», и иногда Юг условно делили на этом основании на «польские» города и города на границе с Полем.

Вопросы, связанные со спецификой освоения Юга России, впервые были затронуты в обобщающей работе Н.А. Благовещенского о четвертном праве мелких служилых людей [2]. Автор сосредоточил свое внимание на проблеме развития поместного землевладения. Он считал, что основой колонизации Юга была однодворческая община, действующая на принципе распределения земли по четвертям – полосам земли. С точки зрения Н.А. Благовещенского, объединяя свои земли в четверти, распахивая землю полосами, однодворцы смогли эффективно освоить окружающее пространство, поддерживая друг друга в условиях нехватки рабочих рук. Он считал, что эти традиции, следы «четвертного права», существовали неофициально до либеральных реформ Александра II.

Более известные в науке, чем труд Н.А. Благовещенского, исследования Д.И. Багалея и И.Н. Миклашевского

связаны с изучением методов хозяйственного освоения территории Юго-Запада современной России [1; 14]. Они носят слишком обобщающий характер, чтобы останавливаться на конкретных проблемах, слишком часто авторы увлекаются теоретизированием и рассуждениями в области экономики и правоотношений, уходя в сторону от исторической действительности.

Среди работ по истории колонизации Юга мы также можем указать на труд Е. Сташевского, который носит общий характер [25]. Историк привел интересные статистические данные, но в центре его внимания – противостояние елецких помещиков и старосты боярина И.Н. Романова.

Значительным шагом вперед в изучении освоения пространств Юга России стали работы В.М. Важинского, охватившие вопросы однодворческого землевладения, развития сельского хозяйства и торговли региона [4; 5]. В.М. Важинский вслед за Н.А. Благовещенским, но куда более профессионально, чем он, показал особенности развития однодворческого землевладения. Общину помещиков-однодворцев историк считал главным средством колонизации Юга. Следует учесть, что вопрос об однодворцах для советской историографии был одним из самых неприятных. Помещики, не пользовавшиеся феодальной рентой, вообще не имели крестьянских дворов, притом, что число их было очень значительно, никак не вписывались в традиционную историческую схему [12].

Собранные в книге В.М. Важинского «Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке» материалы и сделанные выводы стали предметом анализа в книге американского историка Б. Девиса [26]. В своих теоретических построениях Б. Девис поддержал мнение В.М. Важинского о важнейшей роли общины однодворцев, называя реалии того времени «гарнизонным режимом». Он также отметил активность однодворческой общины в процессе колонизации и выделил даже особые однодворческие поселения «хуторского типа», которые нельзя считать полноценными поместьями [26, p. 118-119].

В 1995 г. вышла в свет книга американской исследовательницы К. Белкин-Стивенс «Солдаты в Степи», посвященная военным реформам и колонизации Юга России в XVII в. [27]. В книге в общих чертах изложена история колонизации Юга России, которая была возможна, по мнению автора, благодаря постепенной «военной революции», изменившей русскую армию. В рамках этой революции на Юге создавались «военные полицейские округа», защищавшие пограничье и медленно наступавшие на Степь [27, p. 9]. Центральное место в книге занимает 7 глава, в кото-

рой повествуется о «коллапсе ситуации на Юге», а конкретно, о судьбе южнорусских однодворцев [27, p. 140-157]. Автор считает, что именно однодворцы, обедневшие помещики, стали необходимой жертвой, которую пришлось заплатить государству, чтобы защитить свои южные рубежи.

Среди современных исследований мы можем отметить работы Е.В. Камараули, которая занимается изучением особенностей развития служилого землевладения на Юге России, основываясь, главным образом, на материалах Воронежского уезда [7; 8; 9]. Некоторые вопросы, связанные с освоением Юга России, затрагивались в работах одного их авторов статей [11; 13].

Методика нашей работы связана с анализом существующей документальной базы – архивных материалов Государственного архива Воронежской области (далее - ГАВО) и Российского государственного архива древних актов. Собранный и проанализированный нами материал позволил сделать обобщающие выводы, основываясь на комплексе методик, принятых в современном гуманитарном знании, - это обобщение, анализ и синтез.

Работа по локальному изучению заселения конкретных участков зоны степного пограничья необходима для осмысления сложного и многопланового процесса освоения территории Юга России в XVII в. [11]. Одним из таких участков является правобережье реки Быстрая Сосна, правого притока Дона, образующее обширное лесостепное пространство (с преобладанием открытых пространств) между границами двух указанных рек. В центре нашего внимания находятся южные пределы Засосенского стана Елецкого уезда – территории современных Тербунского и Воловского районов Липецкой области и северной части Семилукского района Воронежской области. В географическом плане это пространства рек Голая Снова и Кобылья Снова, являющихся правыми притоками Дона. Эти земли долгое время были пограничными территориями между несколькими уездами, что отчасти определило специфику их колонизации.

Первоначально данный участок был южной окраиной обширного Засосенского стана Елецкого уезда, образованного в начале XVII в. Долгое время эти пространства практически не были заселены, поскольку демографический рост здесь был нестабильным, а хозяйственное развитие велось очень слабо. Первые попытки освоения этих мест были прерваны в 1630-е годы, когда на Юге России разразилась т.н. «Большая война», связанная с резким увеличением числа нападений татар на южные границы, ослабленные в военном отношении из-за отправки служилого населения для участия в Смоленской

войне. В результате Засосенский стан Елецкого уезда понес большие потери: десятки жителей были уведены в плен и убиты, несколько сельских поселений и вовсе исчезло. В это время был разрушен Чернавский острог, защищающий переправу через Быструю Сосну, и елецкие воеводы уже не могли контролировать ситуацию в Засосенском стане. Все это привело к серьезным потерям численного состава населения Засосенского стана.

«Большая война» подтолкнула правительство к принятию ответных мер. В конце 1634 г. Чернавский острог был восстановлен и получил статус крепости. В марте 1635 г. начались раздачи земель на правом берегу реки Быстрой Сосны елецким помещикам [19, л. 221]. Однако желающих переселяться на эту территорию было не очень много, поскольку военная опасность все еще была велика.

Очевидно, что необходимо было организовать необходимую военную защиту этой территории, прежде чем раздавать поместья. Понимая это, в 1639 г. правительство принимает решение о создании на территории Засосенского стана отдельного Чернавского уезда. С 1635 по 1640 годы здесь происходили массовые переселения помещиков из Ельца и Ливен, которые селились по берегам небольших рек, притоков Быстрой Сосны и Дона, частично восстанавливая старые сельские поселения. Вероятно, первые поселенцы нового уезда продвинулись и на юг в междуречье Кобыльей и Голой Сновы [10, с.67]. Предполагаем, что в середине XVII в. здесь было основано первое поселение – село Большая Поляна. На этом колонизация была остановлена, поскольку время русско-польской войны 1654-1667 гг. вновь вызвало нападения татар. Особенно массивные удары южным границам России были нанесены в 1658 и 1659 гг. [21; 22].

В качестве ответных мер правительство решает строить новые остроги и крепости. В 1661 г. часть южных территорий Елецкого и Чернавского уездов вошла в состав Землянского уезда, который сформировался после строительства в этом году крепости Землянск [15, с.27]. Основная масса жителей нового уезда была представлена запорожскими казаками (черкассами).

В эти годы развитие поместного землевладения в этом регионе вышло на новый уровень, и было связано с раздачей порозжих (пустых) земель, которых было особенно много на пограничном участке между Елецким и Землянским уездами. Первым поселением здесь была, как мы уже предполагали, Большая Поляна, основанная в середине XVII в. Однако в период с 1662 по 1674 гг. возникли деревни Ломовец и Новосильское, а после 1674 г. появилось село Вислая Поляна. Ближе к

концу XVII в. здесь возникает деревня Малиновая Поляна. Судя по косвенным данным в это время, на территории Чернавского уезда появились Бурдино, Тербуны, Борки, Запольный Тербунец (Казинка), Солдатское [3, с. 10].

Такова была в общих чертах обстановка, которая вызвала необходимость распределения земель между Елецким и Землянским уездами. Основными источниками, позволяющими увидеть этот процесс, служат материалы переписки воевод, сохранившейся в фондах ГАВО [6]. Интересующая нас переписка сохранилась на девяти листах, она представляет собой несколько писем воеводе в Белгород и Курск (в этих городах по очереди находился центр Белгородского разряда) от воевод из Воронежа и Землянска. Письма содержат информацию о распределении пустых земель между Землянским и Елецким уездами. Они позволят нам понять, как происходило распределение пустых земель, как проходила граница между Землянским и Елецким уездами, а также получить иную информацию, отражающую процесс заселения этого участка.

Процесс распределения этой территории был осуществлен почти полностью летом 1665 г. В это время в срок с 4 по 27 июля землянский воевода раздал земли 36 елецким помещикам. Все получившие земли принадлежали к старинным елецким помещичьим родам: Камынины, Бурцовы, Селивановы, Рудневы, Манаенковы, Акуловы, Борцовы, Кокоткины, Пановы, Воротынцевы, Камынины, Минаковы, Антиповы. Их предки некогда были первыми помещиками Елецкого уезда, куда приехали еще в конце XVI в. Первоначально они проживали вокруг елецкой крепости и только в 1640-е годы большинство из них переехало в Засосенский стан или же в новый Чернавский уезд. Эти помещики, как правило, – внуки первопоселенцев, большинство из них однодворцы, объединенные в земельные общины. Оказавшись в 1660-е годы на самом юге Елецкого уезда, они продолжили дело своих предков – колонизацию Верхнего Подонья.

В 1677-1679 гг., пытаясь навести порядок в вопросах мелкого землевладения, основы военной службы помещика, правительство начинает программу принудительного размежевания земель. Были приняты меры, запрещающие коллективное владение землей «через десятину». Однако эти меры так и не были выполнены, во всяком случае, на Юге России они не вступили в силу [2, с. 22]. Ясно, что правительство Федора Алексеевича было оторвано от реалий жизни на степном пограничье, где земельные вопросы были освящены негласным старинным обычаем, и насильственное размежевание реальной земель-

ной распашки было невозможно. Кроме того, надо учитывать, что однодворческая община, связанная с коллективной распашкой земли, с введением подворного налогообложения в 1679 г. только усилила свои позиции в деревне.

Судя по сохранившимся документам, елецкие помещики образовывали не только некие неофициальные общины, но определенное сообщество, корпорацию на севере Землянского уезда, и проживали здесь локально в нескольких поселениях. Они оказались на территории Землянского уезда сразу после формирования его границ 1661 г. и за первые годы сумели здесь расширить свои земли и увеличить распашку, судя по данным переписной книги 1678 г. [18]. Первое время в Землянске проживали черкассы, которые не могли сразу получить и освоить столь обширные земельные пространства, ведь только верхушка черкасс имела право владеть поместьями и вотчинами [24].

В 1680-е годы, несмотря на развитие поместного землевладения в самом Землянском уезде, елецкие помещики так и не слились с общей массой местных помещиков, которых, кстати сказать, было немного. Ельчане продолжали жить своей локальной группой. В июне 1684 г. к ним добавились еще трое помещиков – П. Сафонов, Е. Мальцев и Е. Пешков, также представители елецких фамилий. Среди местных землевладельцев несколько неожиданно смотрится одна вдова Инна Драканова. Ей по отдельной «отписке» из Белгорода было дано 20 четвертей поместья выбывшего со службы помещика Саввы Драканова [6, л. 3].

Описание топонимов северного участка Землянского уезда, упоминаемых в тексте документов, позволяет представить в общих чертах ландшафт данной территории. Мы имеем сведения о единственном Яковлевском лесе, который тянулся с севера на юг вдоль современной деревни Яковлево. Его остатки сегодня известны как «Чернолесок». Этот Чернолесок сейчас находится в окружении сел Вислая Поляна, Большая Поляна, Красная Поляна и Малиновая Поляна. Очевидно, он занимал большую территорию в XVII в., и указанные поселения были полностью им окружены, не случайно их названия – «поляны», ведь так назывались ровные пространства среди леса [17, с. 513]. Среди топонимов обращают на себя внимание названия, связанные с болотами, это, к примеру, Берёзовы болота или Лозовый куст. Заболоченность характерна и для современной пойменной зоны реки Голой Сновы, особенно для участка в районе бывшего Яковлевского леса [6, л. 3].

Таким образом, мы видим, что процесс колонизации правобережья

Верхнего Дона представляется нам, прежде всего, как распределение пустых земель между помещиками-однодворцами. Н.А. Благовещенский и В.М. Важинский справедливо полагали, что однодворцы были главными колонизаторами уездов Юга России [2; 4]. Они объединялись в общины, для удобства распашки земель, разделяя свои отрезки чересполосно [4]. Распределение поместных земель происходило в зависимости от находившихся поблизости сельских поселений, являвшихся центрами окружающих пространств.

Межевание Засосенского стана 1691-1693 гг. фиксирует уже четкие границы юга Елецкого уезда. Здесь мы видим, что основной участок колонизации приходится на земли территории современного Задонского района Липецкой области, а на юге пространства стана проходили по северным участкам современного Тебунского района [20, л. 160-230 об.].

Документы ГАВО указывают на то, что военный фактор играл важную роль в процессе распределения земель: иногда получивший эти земли помещик попадал в плен и погибал, земли раздавались вновь, но появившиеся вдруг его родственники предъявляли свои права. Это создавало путаницу в земельных вопросах и хорошую почву для долгих тяжб. Поэтому воевода получал распоряжение тщательно разобраться в принадлежности земель, прежде чем начать их раздачу. В нашем случае центром распределения выступила деревня Большая Поляна (входившая в состав Землянского уезда), самое старое поселение в округе.

Традиции общинного землевладения однодворцев способствовали корпоративности их расселения. Неслучайно елецкие помещики долгое время сохраняли свою автономность от землянских землевладельцев, хотя и проживали на территории Землянского уезда. Юридические границы такой независимости определить трудно, скорее всего, в военных вопросах ельчане подчинялись землянскому воеводе, здесь же решались спорные дела и тяжбы. Однако в хозяйственных вопросах ельчане могли быть вполне свободны.

Итак, распределение пустых участков было связано с развитием однодворческого землевладения: именно мелкие помещики выступали инициаторами распределения пограничных земель, продолжая сохранять свои традиционные формы землепользования. Следует отметить и корпоративность однодворческих поселений, допускавшую расселение помещиков одного уезда на территории соседнего.

Раздача пустых земель в 1660-90-е годы позволила заполнить пустые пространства и начать хозяйственное освоение важного участка погранич-

ных пространств между Елецким и Землянским уездами. Это создало благоприятные условия для развития сельских поселений и очередного демографического роста на рубеже XVII-XVIII вв., который был вновь нарушен по мере вовлечения служилого населения региона на службу затянувшейся Северной войной [23].

Список литературы

1. **Багалей Д.И.** К истории заселения и хозяйственного быта Воронежского и Курского края. Отзыв об исследовании И.Н. Миклашевского «К истории хозяйственного быта Московского государства» /Д.И. Багалей. – СПб. : Университетская типография, 1896. – 124 с.
2. **Благовещенский Н.А.** Четвертное право / Н.А. Благовещенский. – М.: Типолитография товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1899. – 546 с.
3. **Богданов В.** Историко-экономическое описание населенных пунктов Тербунского района /В. Богданов. – Елец, 2011. – 352 с.
4. **Важинский В.М.** Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. /В.М.Важинский – Воронеж, 1974
5. **Важинский В.М.** Сельское хозяйство в Черноземном центре России в XVII в. / В.М.Важинский. – Воронеж : Воронежский государственный педагогический институт, 1983. – 237 с.
6. **ГАВО.** Ф.289. Оп. 1. Землянская приказная изба. Д.1.
7. **Камараули Е.В.** Военизированное население южных окраин московского государства в первой трети XVII в. (на примере воронежского уезда): боевой потенциал, землевладение и условия хозяйствования / Е.В. Камарули // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2017. – Т. 43. - № 15 (264). – С. 101-110.
8. **Камараули Е.В.** Итоги аграрного освоения Центрального Черноземья в первой трети XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 2016. -№ 1.- С. 80-89
9. **Камараули Е.В.** Служилые группы в составе землевладельцев Воронежского уезда в первой трети XVII века: размещение по станам, особенности поместного и вотчинного владения /Е.В.Камарули // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. - 2017. - № 3. - С. 47-52
10. **Ляпин Д.А.** История Елецкого края с древнейших времен до 1991 г. / Д.А.Ляпин. – Елец : Верстовой, 2014. – 274 с.
11. **Ляпин Д.А.** От крепостей к городам: повседневно-бытовые и поведенческие модели населения южнорусской крепости конца XVI в. /Д.А.Ляпин // История: Факты и символы. - 2016. - № 2. - С. 9-16.
12. **Ляпин Д.А.** Служилое землевладение Юга России XVII в. в научном наследии В.М. Важинского / Д.А.Ляпин // Проблемы отечественной и всеобщей истории: К 80-летию доктора исторических наук, профессора Владимира Михайловича Важинского. – Липецк : ЛГПУ, 2010. – С. 12-18.
13. **Ляпин Д.А., Жиров Н.А.** Тяглое население городов Юга России (по материалам переписи 1646 г.) / Д.А.Ляпин, Н.А.Жиров // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Чтения

памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы международной научной конференции. Москва, 26 октября - 1 ноября 2015 г. - М., 2014. – Вып.4. - С. 283-288

14. **Миклашевский И.Н**. К истории хозяйственного быта Московского государства / И.Н.Миклашевский. – М. : Тип. Д.И. Иноземцева, 1884. – 318 с.

15. **Мокшин Г.Н**. Летопись города Землянска (1661-1923) / Г.Н.Мокшин. – Воронеж : ВГУ, 2012. – 453 с.

16. **Новосельский А.А.** Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. / А.А.Новосельский. - М. – Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1948. – 448 с.

17. **Ожегов С.И.** Словарь русского языка / С.И.Ожегов. – М. : Советская энциклопедия, 1972. – 846 с.

18. **РГАДА.** Ф. 1209. Оп. 1. Переписная книга г. Ельца 1678 г. Д. 8830.

19. **РГАДА**. Ф. 210. Оп. 1. Столбцы Белгородского стола. Д. 201.

20. **РГАДА**. Ф. 1209. Оп. 1. Межевая книга Засосенского стана Елецкого уезда 1691, 1692, 1693гг. Д. 138. Л. 160-230 об.

21. **РГАДА**. Ф. 210. Оп. 12. Сказки жителей Ельца 1658 г. Д. 412

22. **РГАДА.** Ф. 210. Оп. 1. Сказки жителей Елецкого уезда 1659 г. Д. 433.

23. **РГАДА.** Ф. 350. Оп. 1. Ландратская книга Елецкого уезда 1714 г. Д. 113.

24. **Рощупкин А.Ю.** Численность корпорации елецких служилых казаков в конце XVI – первой половине XVII в. / А.Ю. Рощупкин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. - 2013. - Т. 27. - № 15 (158). - С. 84-90.

25. **Сташевский Е. К** истории колонизации Юга: (Великий боярин Иван Никитич Романов и его слободы в Елецком уезде) / Е.К.Сташевский. – М. : Печ. А.И. Снегиревой, 1913. – 96 с.

26. **Devies L.B.** State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649 / L.B. Devies. – New York : Palgrave Macmillan, 2004. – 504 p.

27. **Stevens Belkin C.** Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia / C. Stevens Belkin. – Northern Illinois : Northern Illinois University Press, 1995. – 240 p.

References

1. **Bagaley D.I.** K istorii zaseleniya i khozyaystvennogo byta Voronezhskogo i Kurskogo kraya. Otzyv ob issledovanii I.N. Miklashevskogo «K istorii khozyaystvennogo byta Moskovskogo gosudarstva». – SPb.: Universitetskaya tipografiya, 1896. – 124 s.

2. **Blagoveshchenskiy N.A.** Chetvertnoe pravo. – M.: Tipolitografiya tovarishchestva I.N. Kushnerev i Ko, 1899. – 546 s.

3. **Bogdanov V**. Istoriko-ekonomicheskoe opisanie naselennykh punktov Terbunskogo rayona. – Elets, 2011. – 352 s.

4. **Vazhinskiy V.M**. Zemlevladenie i skladyvanie obshchiny odnodvortsev v XVII v. - Voronezh, 1974

5. **Vazhinskiy V.M**. Sel'skoe khozyaystvo v Chernozemnom tsentre Rossii v XVII v. – Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institute, 1983. – 237 s.

6. **GAVO**. F.289. Op. 1. Zemlyanskaya prikaznaya izba. D.1.

7. **Kamarauli E.V**. Voenizirovannoe naselenie yuzhnykh okrain moskovskogo gosudarstva v pervoy treti XVII v. (na primere Voronezhskogo uezda): boevoy potentsial, zemlevladenie i usloviya kho-

zyaystvovaniya // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. -2017. - T. 43. - № 15 (264). - S. 101-110.

8. **Kamarauli E.V.** Itogi agrarnogo osvoeniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v pervoy treti XVII V. // Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. -2016. - № 1. -S. 80-89

9. **Kamarauli E.V**. Sluzhilye gruppy v sostave zemlevladel'tsev voronezhskogo uezda v pervoy treti XVII veka: razmeshchenie po stanam, osobennosti pomestnogo i votchinnogo vladeniya // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya. - 2017. - № 3. - S. 47-52

10. **Lyapin D.A.** Istoriya Eletskogo kraya s drevneyshikh vremen do 1991 g. Elets : Verstovoy. - 2014. – 274 s.

11. **Lyapin D.A.** Ot krepostey k gorodam: povsednevno-bytovye i povedencheskie modeli naseleniya yuzhnorusskoy kreposti kontsa XVI v. // Istoriya: Fakty i simvoly. - 2016. - № 2. - S. 9-16.

12. **Lyapin D.A.** Sluzhiloe zemlevladenie Yuga Rossii XVII v. v nauchnom nasledii V.M. Vazhinskogo // Problemy otechestvennoy i vseobshchey istorii: k 80-letiyu doktora istoricheskikh nauk, professora Vladimira Mikhaylovicha Vazhinskogo. – Lipetsk : LGPU. - 2010. – S. 12-18.

13. **Lyapin D.A., Zhirov N.A**. Tyagloe naselenie gorodov Yuga Rossii (po materialam perepisi 1646 g.) // Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Vyp. 4. Chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Moskva, 26 oktyabrya - 1 noyabrya 2015 g. M. - 2014. – S. 283-288;

14. **Miklashevskiy I.N.** K istorii khozyaystvennogo byla Moskovskogo gosudarstva. – M. : Tip. D.I. Inozemtseva, 1884. – 318 s.

15. **Mokshin G.N.** Letopis' goroda Zemlyanska (1661-1923). – Voronezh : VGU, 2012. – 453 s.

16. **Novosel'skiy A.A.** Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII v. M., – L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1948. – 448 s.

17. **Ozhegov S.I.** Slovar' russkogo yazyka. – M.: Sovetskaya entsiklopediya. - 1972. – 846 s.

18. **RGADA**. F. 1209. Op. 1. Perepisnaya kniga g. El'tsa 1678 g. D. 8830.

19. **RGADA**. F. 210. Op. 1. Stolbtsy Belgorodskogo stola. D. 201.

20. **RGADA**. F. 1209. Op. 1. Mezhevaya kniga Zasosenskogo stana Eletskogo uezda 1691, 1692, 1693 gg. D. 138. L. 160-230 ob.

21. **RGADA**. F. 210. Op. 12. Skazki zhiteley El'tsa 1658 g. D. 412;

22. **RGADA**. F. 210. Op. 1. Skazki zhiteley Eletskogo uezda 1659 g. D. 433.

23. **RGADA**. F. 350. Op. 1. Landratskaya kniga Eletsklgo uezda 1714 g. D. 113.

24. **Roshchupkin A.Yu**. Chislennost' korporatsii eletskikh sluzhilykh kazakov v kontse XVI - pervoy polovine XVII v. // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. - 2013. - T. 27. - № 15 (158). - S. 84-90.

25. **Stashevskiy E. K** istorii kolonizatsii Yuga: (Velikiy boyarin Ivan Nikitich Romanov i ego slobody v Eletskom uezde). – M. : Pech. A.I. Snegirevoy, 1913. – 96 s.

26. **Devies L.B**. State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649. – New York : Palgrave Macmillan, 2004. – 504 s.

27. **Stevens Belkin C.** Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia. – Northern Illinois: Northern Illinois University Press, 1995. – 240 p.

Список сокращений

ГАВО - Государственный архив Воронежской области
РГАДА - Российский государственный архив древних актов

Цитирование: ЛЯПИН Д.А.,. ГАЙТЕРОВА К.Ю (2018) Специфика распределения пограничных земель на юге России во второй половине XVII в. (на примере Елецкого и Землянского уездов) //Гуманитарные исследования Центральной России. 2018. № 3. С. 9-20.

Citation: LYAPIN D.A, GAITEROVA K.Yu. Distribution specificity of frontier lands in the south of Russia in the second half of the 17th century (examplified by Yelets and Zemlyansk parishes) *Humanities researches of the Central Russia = Gumanitarnye issledovanija Central'noj Rossii.* 2018, no. 3, pp. 9-20.

УДК 94 (470)

СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ «ПО ПРИБОРУ» ЮЖНЫХ ГОРОДОВ РОССИИ И ВОЕННАЯ РЕФОРМА АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА (НА ПРИМЕРЕ СЛУЖИЛЫХ «ГОРОДОВ» ЛИПЕЦКОГО КРАЯ).

Н.Н. Петрухинцев

Аннотация: Статья прослеживает влияние военной реформы Алексея Михайловича на положение одной из категорий социальной структуры русского общества – служилых людей «по прибору». Автор пытается выявить региональные особенности этого процесса, анализируя специфику южных городов и рассматривая на основе анализа воинских смет 1651 и 1663 гг. изменение численности и структуры «приборных» в южных городах России (на примере небольшой группы городов будущего Липецкого края). В конечном счете, он приходит к выводу, что правительство в разгар военной реформы в самый напряженный период Русско-польской войны 1654-1667 гг. временно пожертвовало интересами «прибора» ради формирования и пополнения новых структур полевой армии, состоящих из полков «нового строя».

Ключевые слова: военные реформы; социальная структура; служилые люди «по прибору»; служилый «город»; городовые стрельцы; городовые казаки; дети боярские; русско-польская война 1654-1667 гг.; земельная политика.

STATE SERVICEMEN “PO PRIBORU” FROM SOUTHERN RUSSIAN TOWNS AND THE MILLITARY REFORM OF ALEKSEY MIKHAILOVICH (EXAMPLIFIED BY STATE-SERVICE “TOWNS” OF LIPETSK REGION)

N.N. Petrukhintsev

Abstract: The article traces the influence of the military reform of Alekey Mikhailovich on the position of one category of Russian society social structure – state servicemen “po priboru”. The author tries to find out regional peculiarities of this process. To that end the author analyses southern town specificity and studies the number and structure of state servicemen “po priboru”, using military budgets (dated 1651 and 1663) of some towns of would-be Lipetsk region. Finally the author comes to the conclusion that the government in the midst of the military reform at the most dramatic period of Polish-Russian war (1654-1667) neglected state servicemen recruitment needs to create and increase new structures of field army, consisting of regiments of a new type.

Key words: military reforms. social structure, state servicemen “po priboru”, state-service towns, town streltsy, town kazaki, boyar children, Polish-Russian war of 1654-1667, land policy.

Статья подготовлена в рамках реализации гранта РФФИ № 17-01-00389/а

Устойчивое развитие страны возможно только при условии обеспечения ее безопасности и немыслимо без развития и своевременной модернизации ее вооруженных сил. Примеры такой модернизации можно найти не только в настоящем, но и в прошлом России.

Одним из таких примеров является масштабная военная реформа Алексея Михайловича, нацеленная на глубокую модернизацию российской армии и на трансформацию старых военных формирований и принципов службы с учетом тенденций развития европейских армий в созданных в эти годы военных контингентах «нового строя» - гусарских, рейтарских, драгунских и солдатских полках.

Процессы формирования подобной армии не могли не затронуть традиционные формы военной службы и не сказаться на судьбе служилых «городов» - уездных военно-территориальных корпораций, игравших ранее основную роль в военной организации прежней «поместной» армии.

Но они по-разному отразились на различных региональных группах служилых «городов», что отчетливо заметно на примере «южных» городов России, ориентированных ранее преимущественно на пограничные функции обороны южных рубежей.

И хотя историография военной реформы середины XVII в. значительно продвинулась вперед в последние полтора десятилетия [16, гл. 5-6; 12, 7, 9, 8], ее региональные аспекты и вопросы влияния на отдельные категории «служилых людей» все еще нуждаются в дополнительном изучении.

В данной статье мы попытаемся проследить влияние основной стадии реформы, пришедшейся на 1650-е гг., на положение «служилых людей по прибору» - крайне важной части военных корпораций южных «городов».

* * *

Города эти в большинстве своем возникли сравнительно поздно (в середине XVI – первой половине XVII в.) и к началу военной реформы Алексея Михайловича в 1646-1647 гг. существовали менее столетия. В этих «новых» городах не могли сложиться абсолютно те же формы экономической, социальной и военной организации, что были основой «старых», лежащих «за Окой» «городов» центральной России с развитым помещичьим хо-

зяйством. Города эти фактически не имели «выборных дворян» - верхушки корпораций, в первой трети XVII в. еще посылавшейся на службу в Москву при государевом дворе, а к середине века, после прекращения этой практики, превратившейся в один из формальных статусных «чинов» служилого «города». Основу «служилых по отечеству» здесь составляли мелкопоместные «дети боярские», более 80% которых не владели крепостными [что хорошо видно на примере Ельца – 11, с. 153] и вынуждены были строить свое хозяйство (с которого в основном обеспечивалась военная служба) на принципиально иных основах – на обработке земли коллективными усилиями и силами собственных семей, включавших так называемых «подпомощников» (родственников, а также пришлых «подсуседков» и «захребетников», привлекаемых на поместный надел в качестве работников, необходимых на время несения службы главами семей). В силу особенностей ведения хозяйства и относительно скромных размеров поместий местные «дети боярские» не были столь сильно, как в городах центральной России, социально дистанцированы от «служилых людей по прибору» - наемных воинских контингентов из низших социальных слоев, служивших «с денежного и хлебного жалованья» и «с земли», составлявших вторую основную группу служилых людей в уездах.

Мы проанализируем региональные особенности реформы в южных «городах» на примере основных восьми «городов» будущего Липецкого края, формирование уездных корпораций в которых завершалось накануне и во время реформы, преимущественно уже в 1650-е гг. Накануне реформы, в 1630-е -1640-е гг., большая часть территорий Липецкого края (Елец, Чернава, Талецк, Лебедянь) входила в число так называемых «городов от польскóй украины», пограничных с «Полем» (степью) (за исключением Данкова, который относился к городам тульской и рязанской украин [6, с. 2-3]). Завершающий этап строительства Белгородской черты в 1640-е гг. привел к формированию новых «городов» «по черте» (Сокольск, Добрый, Усмань), которые имели свою специфику и вскоре, в 1658 г., вместе с большинством пóльских и частью украинных тульских и рязанских городов, вошли в состав формирующегося Белгородского разряда.

Состояние и типологические особенности «городов» Липецкого края накануне реформы в максимальной степени отражает «смета воинских сил 1651 г.», составленная в преддверии возможной русско-польской войны [15, с. 8-32]. Она позволяет нам оценить функцию и роль «служилых по

прибору» накануне начала основной стадии военной реформы.

Пограничное положение южных городов диктовало не только многочисленность контингентов мелкопоместных детей боярских, но и ориентацию их военных сил прежде всего на оборону границ и сторожевую службу, связанную с своевременной разведкой, предупреждением и отражением татарских набегов.

Поэтому едва ли не основную часть их воинских контингентов составляли даже не дети боярские, а не относящиеся к привилегированному сословию «служилые люди по прибору» - прежде всего городовые стрельцы и более мобильные сторожевые и полковые казаки. Это отчетливо видно на построенной по материалам «Сметы 1651 г.» диаграмме (рисунок 1), отражающей структуру формирований «городов» по Белгородской черте, к которым принадлежала значительная часть «городов» Липецкого края – «приборные» давали в совокупности 41% их военных формирований, и почти треть (32,2%) – составлявшие основу «прибора» стрельцы и казаки.

Рисунок 1. Структура военных формирований по Белгородской черте в 1651 г.

Правда, «города» будущего Липецкого края имели свои особенности – относительно «старые» города северных его районов (прежде всего Елец и Лебедянь) развивались по модели, чуть более тяготеющей к «классическому» варианту «старого» южного служилого города, а города собственно «по черте» в большей степени отражали специфику ее контингентов. В середине XVII в. половина липецких «городов» (Данков, Талецк, Доброе и

Сокольск) вообще не имели детей боярских. Более того – два города из восьми (Доброе и Сокольск) – в 1651 г. имели еще бóльшие отличия. Это были «драгунские города», возникшие на первой стадии военной реформы в 1647-1648 гг. в одном их трех первых очагов реформы в результате перевода их непривилегированного населения (прежде всего дворцовых крестьян) в разряд «поселенных драгун», не имевших тогда, вероятно, четко определенного социального статуса.

Специфику эту отражает таблица 1.

Город	Выбор	Дети боярские	Иноземцы	Драгуны	Стрельцы	Казаки	Пушкари и воротники	Итого
1. Елец	0	1297			119	499*		1915
2. Лебедянь	0	211			161	86		458
3. Данков					63	189		252
4. Талецкий					31	139		170
5. Чернава		25			17	190	14	246
6. Усмань		397	14		47	272	15	745
7. Доброе городище				959			34	993
8. Сокольск				794			20	814
Итого		**1930**	**14**	**1753**	**438**	**1375**	**83**	**5593**

Таблица 1. Служилые корпорации Липецкого края в 1651 г.

Как видим, Елец и Лебедянь действительно ближе к традиционной модели служилого города: в Ельце 67,7% служилого населения составляют дети боярские; в Лебедяни, превратившейся в служилый «город» только в 1613 г., – почти половину (46%), и оба эти города дают три четверти (78,1 %) всех детей боярских в городах будущего Липецкого края.

Это, однако, практически не повлияло на общую долю основы «прибора» (стрельцов и казаков) на наших территориях, которая, возрастая в других городах, в 1651 г. составила почти ту же величину, что и по черте в целом – 32,4% от общего воинского контингента. «Приборные» в совокупности (1910 чел.) почти равнялись по численности детям боярским (1930 чел.), что делало «приборных» в городах влиятельной силой.

* * *

Городовые стрельцы и казаки (таблица 1), действительно, составляли основу (1813 из 1910 чел., т.е. 95%) «прибора» будущих липецких «городов». Однако функции, вес и положение двух этих основных категорий «приборных» были далеко не одинаковы.

Городовые стрельцы, вооруженные огнестрельным оружием (пищалями и мушкетами), несли преимущественно пешую «городовую» службу, т.е. выполняли роль военных гарнизонов, защищающих местные крепости и свои уезды в случае нападений.

Прочно связанные с городами-крепостями городовые стрельцы, как и в Москве, нередко занимались ремеслом и торговлей. В южных городах, где чаще всего еще не сложилось посадское население, по наблюдениям В.А. Александрова, стрельцы в середине XVII в. играли важную роль в кузнечном ремесле и местной и транзитной торговле (особенно в мелочной торговле продуктами питания), лишь к концу века постепенно вытесняясь из нее посадскими [1, с. 242-249].

Городовые стрельцы поэтому были менее мобильны, чем вторая категория приборных (городовые казаки). Поэтому стрельцы преобладали в «приборе» центральных городов России, где составляли 19,9% их военных формирований (казаки – 9,4%) и менялись с казаками местами (10,9% - стрельцы и 20% - казаки) в городах Белгородской черты, где требовались более подвижные соединения для борьбы с набегами кочевников [подсчитано по: 15].

В «приборе» городов Липецкого края, как и на Белгородской черте в целом, безусловно доминировали казаки (24,6%), а городовые стрельцы составляли лишь 7,8% уездных военных формирований.

Как правило, в пору расцвета поместной системы стрельцы служили в городах отдельными отрядами в 300-50 человек, формируя отдельные стрелецкие «приказы» (т.е. полки) лишь в наиболее крупных пограничных городах. Для 9/10 служилых «городов» России такие мелкие отряды были наиболее типичными [подсчитано по: 15].

Подобные контингенты стрельцов (от 161 в Лебедяни до 17 чел. в маленькой Чернаве) были характерны и для городов будущего Липецкого края. Их количество определялось величиной городовых крепостей, оборону стен и башен которых по определенным нормативам должны были нести стрельцы [6, с. 125-126].

Стрельцы существовали почти во всех городах края (за исключением «драгунских» Доброго и Сокольска). Наличие стрелецких и казачьих отрядов, группировавшихся и селившихся вокруг крепости отдельными «слободами» (освобожденными за службу от части налогов и повинностей), объясняет существование Стрелецких и Казачьих слобод в этих городах, память о которых нередко сохранилась до наших дней в старых названиях их районов и улиц.

«Приборными» стрельцами и казаками в масштабах одного города руководили стрелецкие и казачьи головы. Однако стрелецкие головы существовали не везде: в 1651 г. они были примерно в половине (32 из 63) городов, где были более мелкие, чем приказы, контингенты стрельцов (в большинстве городов, где их не было, стрельцами руководили стрелецкие сотники) [подсчитано по: 15]. Особенности руководства городовыми стрельцами на примере более «старых» южных городов более детально охарактеризованы В.И. Горбачевым [6, с. 63-64]. В городах с небольшими стрелецкими контингентами должность стрелецкого и казачьего головы часто совмещалась.

Как и в московских стрелецких приказах, эти высшие стрелецкие командиры не относились к «прибору» - они были представителями «служилых по отечеству», т.е. дворянами, часто даже не принадлежащими к местной городовой корпорации. Однако именно они, в отличие от местных мелкопоместных детей боярских, в большей степени соответствовали нашему традиционному представлению о дворянстве, так как, как правило, имели более значительные массивы земли, и главное – имели крестьян, что позволяло им развивать классическое помещичье хозяйство и в плодородных южных уездах, где они нередко стремились закрепиться. А.С. Ракитин, изучивший корпорацию Данкова в XVIIв., выявил, что стрелецким головой в Данкове, тесно связанно с тульским и рязанским окраинными разрядами, еще в 1620-е гг. был «болховтинин» (т.е. дворянин из Болхова) Путила Быков, прочно осевший в уезде. В 1640-е гг. он (вместе с таким же пришлым «туленином» Демидом Муромцевым, предком тестя Ивана Бунина) превратился в одного из самых влиятельных местных помещиков, активно захватывая земли в уезде [14, с. 111]. Стрелецкий и казачий голова соседнего Козлова в 1635-1639 гг. Петр Красников (бывший до службы в Козлове переводчиком в Посольском приказе), получивший в Стаевой поляне поместье в 100 четей, тоже стал превращаться в местного «феодала-крестьяновладельца» и «сильного человека» в Козлове, поселив на своих землях 17 беглых крестьян – гораздо больше, чем 10 остальных «крестьяновладельцев», владевших в среднем 4,5 чел. [18, p. 158] Аналогичную роль играл в Ельце уже местный стрелецкий голова 1615-1620 г. Ф.И. Тюнин, владевший в Засосенском стане 25 крестьянами и 8-ю бобылями, тоже фактически возглавивший местную дворянскую элиту [11, с. 83-84]. Служба в «головах стрелецких и казачьих» была одним из видов материальной поддержки дворян и для некоторых из них

сохраняла отчетливые следы своего рода «кормления».

Эти должностные лица отчетливо отделялись от «прибора», которым они руководили.

Как мы видели, в «приборе» будущих липецких «городов», безусловно, преобладали городовые казаки, втрое превосходившие по численности стрельцов (см. таблицу 1), что было уже нетипично для более северных «старых» городов Юга, где стрелецкие контингенты накануне реформы даже незначительно превосходили казачьи [6, с. 105].

Именно городовые казаки (в первую очередь сторожевые) несли мобильную сторожевую службу. В Данкове 117 сторожевых казаков (большая часть 189 казаков Данкова) несли службу на 14 сторожах в ближних и дальних окрестностях города на наиболее угрожаемых путях татарских набегов. В большинстве своем - совместно с другими «городами», лежащими уже за пределами липецкого региона (что отражает тем самым факт иной группировки и иных связей «городов» в XVII в., чем сложившиеся в результате более поздних административных реформ).

Вероятно, «смесные» (смешанные) сторожи (их у данковцев было подавляющее большинство, 10 из 14), на каждой из которых обычно находились сторожевые отряды из 4-10 человек, формировались не только исходя из потребности как-то координировать действия соседних городов, но и просто на тех участках, где более эффективным было получать помощь и информировать все ближние города, чтобы оперативнее реагировать на татарские набеги – 2-4 представителя от каждого уезда могли поскакать каждый в свой город хорошо знакомыми дорогами, быстрее поставить в известность городового воеводу и мобилизовать военные силы в зависимости от направления угрозы. Основная часть «смесных» сторож (6 сторож) располагалась по Красивой Мече и Сосне с «крымской стороны» на наиболее угрожаемых переправах у Ливен и Чернавы, где данковцы служили преимущественно с *тульскими городами* (обычные партнеры – Епифань и Дедилов, Новосиль и Мценск); еще 4 сторожи по Дону и его притокам с «ногайской стороны» осуществлялись совместно с *рязанским* Ряжском, и только 4 «несмесных» сторожи (исключительно из данковских казаков) охраняли ближние окрестности самого Данкова. Каждая сторожа перекрывала пространство от 5 до 36 верст (обычно – 18-20 верст, почти половина (43%) всех сторож); в большинстве своем они находились на значительном удалении от Данкова (от 20 до 60 верст), и общая длина маршрутов на них приближалась к 200 верстам. Единовременно

службу на всех сторожах несли 40 данковских сторожевых казаков (исходя из общего числа в 117 сторожевых казаков можно предположить, что они сменялись как минимум по «половинам») [подсчитано и обобщено нами по: 14, с. 22-37]. Из всего этого очевидно, что сторожевая служба (учитывая утомительную, продолжительную и чреватую опасностями дорогу к ней для маленьких групп в 2-4 казака) была делом весьма нелегким.

А.С. Ракитин на примере городовой корпорации Данкова дал почти исчерпывающую характеристику различных категорий, статуса и функцией служилых казаков [14] будущего Липецкого края, поэтому мы не будем останавливаться на ней подробно.

Однако с началом основной стадии военной реформы «приборных» южных городов ждали серьезные перемены.

Военная реформа Алексея Михайловича, вступившая на юге в решающую фазу летом 1658 г. с формированием Белгородского разряда и связанным с ним массовым переводом военно-служилого населения в полки «нового строя», существенно изменила тенденции развития воинских структур на южных территориях, что оказало самое серьезное влияние и на «приборную» часть этих контингентов.

Смета 1663 г. [5], составленная в связи с финансовыми нуждами накануне возвращения страны после «Медного бунта» к серебряному денежному обращению и учитывающая реальное (а не штатное) количество служилых людей, позволяет оценить те изменения, которые произошли за десятилетие военной реформы со служилыми «по прибору» на нашей территории.

* * *

	Стрельцы		Казаки		Итого	
город	1651 г.	1663 г.	1651 г.	1663 г.	1651 г.	1663 г.
1.Елец	119	387	499		618	387
2. Лебедянь	161	70	86	79	247	149
3. Донков	63	72	189		252	72
4. Талецк	31	31	139	170	170	201
5. Чернава	17	13	190	172	207	185
6. Усмань	47	114	272	368	319	482
7. Доброе						
8. Сокольск						
Итого	**438**	**687**	**1375**	**789**	**1813**	**1476**
% к 1651 г.		156,80%		57,38%		81,40%

Таблица 2. Динамика численности «служилых по прибору» на территории Липецкого края по сметам 1651 и 1663 гг.

Как видим, за десятилетие реформы число «приборных» на территории края сократилось почти на 1/5 (на 19,6%).

Правда, наши города и здесь имели свою специфику: если в целом по городам центральной России (по нашим подсчетам по данным смет 1651 и 1663 гг.) численность стрелецких гарнизонов сократилась более чем на треть (на 37%), то число городовых стрельцов на нашей территории даже выросло более, чем наполовину (на 56,8%). Произошло это, однако, преимущественно за счет почти троекратного роста стрелецких гарнизонов Ельца и Усмани, в остальных же городах численность стрельцов почти не изменилась или же уменьшилась.

Поэтому сокращение «прибора» было достигнуто главным образом за счет городовых казаков, число которых, наоборот, сократилось почти наполовину. Произошло это, очевидно, в первую очередь за счет активного перевода городовых казаков в полки «нового строя», преимущественно в драгунские и рейтарские. Казачество шло в них тем более охотно, что служба в полках «нового строя» сопровождалась качественным повышением социального статуса – массовым переводом «приборных» («верстанием») в «дети боярские» [впервые этот процесс наглядно выявлен Т.А. Лаптевой – 10, с. 490, 507; А.С. Ракитин наглядно показал особенности процесса перевода казаков в полки «нового строя» и в «дети боярские» на примере Данкова - 14, с. 118-132].

Однако в кризисные годы русско-польской войны 1654-1667 гг., пик которых пришелся на 1659-1663 гг., резкое сокращение «приборных» в южных городах не могло не иметь негативных последствий. Тяжесть пограничной службы южных «городов», падавшая на заметно сократившийся «прибор», не только не уменьшалась, но даже возрастала с переброской с осени 1658 г. основной части сил Белгородского разряда (воеводского Белгородского разрядного полка) на польско-украинский театр военных действий, резко ослаблявшей оборону южных границ от угрозы татарских набегов.

Проблема обозначилась уже в 1658 г. и усугубилась неясностью административных границ после формирования Белгородского разряда – в сентябре 1658 г. кн. А.И. Лобанов-Ростовский, формировавший на основе тамбовских и шацких служилых людей свой воеводский полк в Тамбове, запросил людей к себе в полк у воеводы Василия Лихарева из соседнего Козлова, только что отдавшего основные служилые контингенты в Белгородский разряд. Полученный отказ он посчитал результатом местнических претензий «неродословного» человека, брат которого был лишь

сотенным головой в его «литовском походе 163 г.», но 13 ноября 1658 г. В. Лихарев объяснил основу конфликта Разряду прозаическим малолюдством служилых людей: «козловцы дети боярские полковой службы из Белгорода не бывали; а в Козлове твоих всяких служилых людей мне от крепостей с сторож взять нельзя: беспрестанно козловцы, всяких чинов служилые люди, стоят на козловских крепостях, в день и в ночь, с малою переменою. А козловский вал и козловские крепости построены на многих верстах, и сторожи в Козлове во многих местех; и пред прошлыми годы на козловских крепостях и на сторожах твоих служилых людей мало…» [2, с. 625, 631]. Таким образом, даже ресурсы многолюдного Козлова (с его 2046 детей боярских по смете 1651 г. второго по численности служилого «города» России после Рязани) были, видимо, почти исчерпаны переводом его сил в полевые полки «нового строя» Белгородского разряда.

Почти о том же свидетельствуют и две челобитные служилых людей Нового Оскола, поданные примерно в то же время (в 1658 г.) [2, с. 635-637]: уже при формировании первых белгородских солдатских полков в 1652-1653 гг. в солдаты было переведено 600 чел. новооскольцев, из которых за первые кампании войны в 1654-1657 гг. было потеряно 60 чел. (т.е. 10%), а после восполнения потерь при формировании Белгородского разряда в 1658 г. взяты «же и ***последние*** детишки наши и братья и племянники», отпущенные «на твою службу … со всякими хлебными запасами, а запасы покупали по иным городам дорогою ценою, потому что в Новом Осколе городе хлеб не родится, на пашенных землях песок везде» [2, с. 636]. Оставшиеся «детишка боярские», драгуны, полковые казаки и другие категории приборных высылали людей для строительства Острогожска и Царева-Борисова, собирали продовольствие и фураж, «бесповоротно» отправляли лошадей в обозы В.Б. Шереметева и Г.Г. Ромодановского, ремонтировали Яблоновский вал при отсутствии денежного жалования (которого «***не давано нам 7-й год»***). Новооскольцы были крайне обременены сторожевыми службами по валу не только в своем городе, но и в Цареве-Борисове и «на сосенских караулах», с которых при формировании Белгородского разряда «свели» посылавшихся туда ранее ливенцев и чернавцев. Службы их оказались переложены на новооскольцев, которые вследствие этого, «и от всяких посылок, и от хлебного недороду … обедняли и оскудали вконец и одолжали великими долгами; многие наша братья розбрелись розно, а иные кормятся Христовым именем по иным городам…» [2, с. 637].

Очевидно, по тем же причинам не менее существенно возросла тяжесть пограничной службы и в соседних с Козловым городах будущего Липецкого края для несущих сторожевую службу городовых казаков, число которых уменьшилось в наибольшей степени.

Проблема стала особенно острой после поражения русской армии от войск мятежного украинского гетмана Ивана Выговского и крымского хана в июне 1659 г. под Конотопом. Следствием поражения стал массовый набег крымских татар в июле-августе 1659 г. на старые южные города России с территории Украины в обход Белгородской черты так называемым «шляхом Сагайдачного». Набег затронул 18 южных городов, в ходе него было убито 379 и взято в полон около 25,5 тыс. чел. [13, с. 69-70] (что составляло в совокупности примерно 9,2% населения территории Белгородского и будущего Севского разрядов [если ориентироваться на численность, приводимую К. Белкин – 17, p. 169, table 3]), и, как и в 1618 г. при Сагайдачном [11, с. 55-64], в наибольшей степени пострадали от него города в конечной точке набега (от Ефремова до Талецка), давшие более трех четвертей всех убитых и полоненных. Среди них были и три города будущего Липецкого края (Елецк, Чернава и Талецк), понесшие колоссальные для того времени людские и экономические потери.

	Число служилых людей на 1651 г.	Число служилых людей на 1663 г.	Убиты	Взято в плен	Сожжено дворов и гумен
Елец	1915	1452	146	5641	3914
Чернава	246	380	12	1157	311
Талецк	170	238		21	250
итого	**2331**	**2070**	**158**	**6819**	**4475**

Таблица 3. Потери городов Липецкого края в ходе татарского набега 1659 г.

(источники таблицы: Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVII века // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. – М.: Наука, 1994. -С. 69-70; Сметы 1651 и 1663 гг.)

Как видим, всего три наших «города» (а фактически два - Чернава и Елец) из 18 подвергшихся набегу понесли более четверти (27,3%) общих потерь от него. Если считать, что служилые люди на середину XVII в. составляли примерно половину населения Белгородского разряда (по дан-

ным Кэрол Стивенс Белкин – 51,6% на 1650 г.) [17, p. 169, table 3], и принять за основу расчетов население обоего пола, то людские потери этих липецких городов должны составлять не менее половины населения их уездов; кроме того, наиболее пострадавший Елецкий уезд был опустошен и, вероятно, почти полностью выжжен. Это еще более усилило потребность в восстановлении нормальной сторожевой службы в нашем регионе, и неудивительно, что именно его города (хотя и менее пострадавшие от набега, чем Елец и Чернава) начали борьбу за восстановление численности «прибора» в городах Белгородской черты, пытаясь вернуть выбывших из него людей в свои гарнизоны. Особенно актуальным это было для относительно небольших городов, преимущественно ориентированных ранее на охранную пограничную службу.

Уже в следующем, 1660 г., Стрелецкий приказ, реагируя на челобитья местных служилых людей, потребовал вернуть в городовые стрелецкие и казачьи службы 164 данковских и лебедянских стрельцов и казаков, поверстанных в дети боярские [10, с. 487]. Это составляло ровно треть их общего «прибора» (499 чел.) по смете 1651 г., что в целом подтверждает наши наблюдения о пропорциях убыли из «прибора» в результате реформы.

Однако восстановить сторожевые службы было непросто. Особенно непросто это было в 1660 г., после первой большой военной кампании Белгородского разряда 1658 – 1659 гг.

* * *

Кампания эта длилась для большинства служилых людей Белгородского разряда полтора-два года, начавшись его формированием летом 1658 г. и не завершившись даже к декабрю 1659 г. На конец ноября 1659 г. в основной его группировке у Г.Г. Ромодановского, отведенной с Украины в Белгород, насчитывалось всего 6822 чел. в полках «нового строя» [4, с. 347, табл. 9.3], к которым, вероятно, стоит прибавить не более 1,6 тыс. чел. детей боярских сотенной службы, не учтенных в списке[1], т.е. в общей сложности около 8,5 тыс. чел. – менее половины первоначального состава Белгородского полка в 19 252 чел. [4, с. 316]. Значительная часть Белгородского полка Г.Г. Ромодановского осталась в гарнизонах украинских городов и Брянска еще почти на год, часть служилых людей уже разбрелась по домам, в которых экономически слабые мелкопоместные дети боярские не были уже как минимум полтора года. Только боевые потери Белгородского полка (убитыми, ране-

[1] Под Конотопом из 2000 чел. первоначального состава было потеряно 304 (297) чел. в «сотенной службе» [4, с. 341, табл. 8.2]; учитывая потери в других стычках и сражениях, оставшееся число вряд ли превышало 1600 чел.

ными и пленными) в крупных боестолкновениях в кампании на Украине против Выговского составили, вероятно, не менее 2213 чел. [подсчитано по: 4, с. 318, 332-333, 339-342, 344], т.е. около 11,5% его первоначального состава. И хотя часть раненых могла вернуться в строй, небоевые потери (как правило, существенные) могли сделать эту цифру еще более значительной. Очевидно, что Белгородский полк был измотан первой его длительной боевой кампанией 1658-1659 гг. и, вероятно, поэтому почти не принял участия в следующей кампании 1660 г., активно включившись в нее лишь поздней осенью (что, скорее всего, во многом обусловило катастрофу «киевской» армии В.Б. Шереметева на Правобережной Украине под Чудновом).

Понимая состояние полка и опасаясь повторения татарского набега, подобного набегу 1659 г., правительство оставило его в 1660 г. на охране Белгородской черты, попутно ставя перед Г.Г. Ромодановским задачу восстановить его боевой потенциал.

Весной 1660 г. Белгородский полк был еще малобоеспособен – в мае 1660 г. Г.Г. Ромодановский констатировал, что в ответ на набег татар под Колонтаев и Валки «в то время послать было некого: дворяне и дети боярские и рейтары и драгуны на службу в Белгород не бывали», и он с трудом отправил на отражение набега в Царев-Борисов под командой «лихого рейдера» кампаний 1658-1659 гг. и одного из первых будущих русских генералов Г.И. Косагова сборный отряд из 4.074 чел., почти три четверти которого (2787 чел.) составили отнюдь не люди полков «нового строя», а казаки украинских слободских полков, к которым добавлялись еще донские и орешковские казаки [3, с. 88].

Поэтому еще и летом 1660 г. Г.Г. Ромодановский в основном занимался восстановлением потенциала полка, на что его, вероятно, ориентировало и правительство. Но восстановление шло с большим трудом: 19 июня 1660 г., сообщая об итогах усилий по восполнению потерь, которые, по указу государя, снова предполагали запись в рейтары не только детей боярских, но и детей и братьев «***всяких чинов людей***» (т.е. снова допускали возможность мобилизации «прибора»), он писал, что если пополнение рейтарских полков и идет относительно успешно, то «вместо побитых и умерших солдат в Белегороде и в городех, которые ведомы к Белугороду, ***в солдаты добирать некого***, потому которые и по розбору думного дьяка Семена Заборовского в домех оставлены, и те ***служат городовые службы***, и во всякие посылки, и по валу и в городех на сторожах живут и на вести посылаются» [3, с. 99]. Попытка пополнить ряды солдат даточными, взятыми с помещиков городов Белгород-

ского разряда (у которых крепостных почти не было), была явно утопична – на середину июня из Белева, Болхова, Курска, Рыльска, Орла и Данкова было прислано всего 227 даточных. [подсчитано по: 3, с. 100]. Даже в августе 1660 г. Г.Г. Ромодановский констатировал, что в Белгородском полку осталась только треть обозных лошадей (141 из 427 лошади), на возобновление которых покупкой денег пока не прислано, «*…а в драгунских и в салдатских полкех ныне лошедей нет*» [3, с. 138]. Судя по всему, и финансирование Белгородского полка в кампании 1660 г. было явно недостаточным – даже с принятым только 28 августа 1660 г. решением отправить в полк 70 тыс. р., общая сумма финансирования на этот год (при обозначившемся резком падении курса медных денег), вероятно, составила 130 тыс. р. [3, с. 138]. В ноябре 1660 г. Г.Г. Ромодановский сообщал, что «денежного жалованья дано нам на прошлой на 168 г. [т.е. 1659/60 г.] *только по 8 руб.*», и наличные денежные ресурсы были уже полностью истрачены [3, с. 186].

Восстановление потенциала полка сопровождалось и его реорганизацией – к осени 1659 г. полк фактически лишился рейтар (в нем оставалась только «шквадрона» И. Саса в 258 чел. [4, с. 347]), по большей части оставленных в гарнизонах Украины, и правительство в 1660 г. приняло решение перевести всех дворян сотенной службы в рейтарские полки, что фактически привело к формированию трех новых полноценных «тысячных» рейтарских полков, еще больше осложнивших задачу комплектования. К осени 1660 г. эти полки были сформированы, но еще не имели оружия, полковников и офицеров, вследствие чего из них началось активное бегство [3, с. 175-176].

Одной из причин сложностей с пополнением полевых полков Г.Г. Ромодановский считал и результаты татарского набега 1659 г.: «а в прошлом во 167 г., в приход хана Крымского и черкас во многих городех *остальные всяких чинов люди взяты в полон*, а которые и остались, *у тех дома разорены без остатку*» [3, с. 99].

Опасение повторения масштабных татарских набегов сохранялось вплоть до конца лета 1660 г. – воеводы окраинных городов разряда в июле сообщали о концентрации татарских отрядов в 3-4 тыс. чел. вблизи границ; 8 августа 1660 г. отряд из 300 татар атаковал Усмань, «проломил» усманский вал в районе Демшинска и увел в полон часть усманских жителей; при попытке остановить их и закрыть «пролом» погибло около 30 усманских служилых людей и был ранен руководивший ими воевода соседнего Орлова Воин Белелюбский [3, с. 115, 127, 133]. Фактически до середины осени вновь мобилизованный с весны на

службу Белгородский полк был привязан к обороне Белгородской черты.

Как видим, Ромодановский понимал необходимость сохранения частей сторожевой и гарнизонной службы, несколько сдерживая их новую мобилизацию в полки «нового строя», но вернуть в гарнизоны уже получивших боевой опыт рейтар и солдат он не мог. Правительство, да и сам Ромодановский, явно негативно относились даже к переводу людей из солдатских в рейтарские полки: «…и старых солдат за многие службы и за раны писать в рейтары указал ты немногих людей, или которых в пешую службу не станет, чтоб в полках без старых солдат не было…» [3, с. 99]. Правительство в кризисные годы войны в первую очередь было заинтересовано в поддержании боеспособности полевой армии, и ради этого готово было пожертвовать гарнизонами и «прибором».

Поэтому Стрелецкий приказ на свой запрос о возвращении в «прибор» данковских и лебедянских стрельцов и казаков получил в 1660 г. отрицательный ответ, да и все последующие аналогичные просьбы других «городов» Белгородского разряда, довольно частые именно в 1660-1663 гг., чаще всего оставались без ответа [10, с. 487-488].

* * *

Но запрос Стрелецкого приказа о возвращении в 1660 г. 164 данковских и лебедянских стрельцов и казаков в «прибор» имел, вероятно, и другой подтекст, связанный с вопросом об их социальном статусе и земельных ресурсах.

Как уже говорилось, сильнейшим стимулом при мобилизации «приборных» в полки «нового строя» был мотив, связанный с повышением социального статуса, – перевод в полки «нового строя» сопровождался массовым верстанием в «дети боярские», открывавшим новые перспективы как в дальнейшей службе, так и в вопросах землевладения.

Верстание, вероятно, было частью традиции – уже в июле 1634 г. солдаты иноземных полков были верстаны в дети боярские, хотя и с меньшими, чем традиционные для южных городов, поместными окладами. Хотя это верстание приказано было рассматривать «не в образец», а как награду «за смоленскую службу» [10, с. 497], оно, вероятно, все-таки стало прецедентом для последующих верстаний служилых людей полков «иноземного строя», тем более, что армия оставалась сословной, полки эти уже в значительной степени комплектовались из «низов» дворянских корпораций, что предполагало получение статуса «детей боярских» и для их «братьи», пришедшей в полки «из вольницы» или «из прибора».

Еще одним толчком стало и верстание «приборных» в дети боярские при строительстве и заселении Белгород-

ской черты (например, массовые верстания в Козлове в 1637 г. после его постройки и заселения). По наблюдениям Брайана Дэвиса, лишь 11,8% от 476 лиц с известным статусом из 662 записанных в 1637 г. в козловские дети боярские были ранее «служилыми по отечеству», 13,1% принадлежали к «служилым по прибору», а три четверти записались «из вольницы», среди которой было и множество беглых крестьян, составивших в 1639 г. 12,2% козловского гарнизона, причем треть их бежала из имений представителей аристократической верхушки России [18, p. 91, 93]. Среди верставшихся тогда «приборных» как минимум 11 чел. происходили из стрельцов и казаков Данкова [14, с. 92]. И хотя правительство уже в 1637 г. под влиянием этого опыта решило сменить стратегию заселения черты, начав тогда же заселение Усерда «сведенцами» из других городов [18, p. 100-101], «козловский опыт» массового верстания «из низов» оставил свой отпечаток.

Перевод «в дети боярские» облегчался еще одной особенностью южных городов – тем, что мелкопоместные и в основе своей бескрестьянные «дети боярские» в них были очень близки по экономическому положению и условиям службы к «прибору», и большой социальной дистанции между ними не существовало. Кроме того, на юге, в отличие от более северных регионов, имелись ресурсы свободной земли, которые могли физически обеспечить поместными окладами новых «детей боярских».

Поэтому в период завершения строительства черты практика верстаний «приборных» опять возобновилась: в 1643/1644 г. в дети боярские были частично поверстаны казаки в Короче; в 1645/46 г. под предлогом возвращения в «статус отцов» в дети боярские была верстана часть стрельцов и казаков Лебедяни; к 1649 г. были поверстаны в дети боярские 22 сторожевых казака Данкова [10, с. 486-487;14, с. 117].

Тогда же было продолжено верстание и служилых людей первых полков «иноземного строя» - в 1649 г. были верстаны в дети боярские 44 болховских драгуна, которые, однако, стремились перейти в сотенную службу «с городом» [10, с. 486]. Это, вероятно, превратило прецедент 1634 г. в традицию, и уже в 1649/1650 гг. появился указ об испомещении казаков и однодворцев, служивших в солдатских полках, а в 1652-1653 г. при первом массовом формировании на юге полков иноземного строя он, вероятно, был повторен [10, с. 484-485], после чего верстание мобилизованных в полки «нового строя» в дети боярские превратилось на юге фактически в норму.

Верстание в дети боярские и смена социального статуса должны были сопровождаться «испомещением» - по-

лучением земель по уже новым, поместным окладам и на основе иных принципов владения. Если городовые стрельцы и казаки были привязаны к их городским и «подгородным» слободам с ограниченной для земледельческих занятий территорией и даже поэтому с относительно небольшими наделами (стрельцы – по 5-10 четвертей, казаки в Данкове - 20 четвертей у полковых и 50 – у сторожевых [14, с. 76]), то перевод их в дети боярские мог повести к существенному увеличению окладов (50-100 четв. и более, с перспективой их дальнейшего роста) и даже реальных поместных наделов (которые были обычно существенно меньше номинальных окладов). Он предполагал более прочное владение землей и делал неизбежным отрыв от городов-крепостей и расселение в уезде, где большие массивы свободных земель давали возможность вести более обширную и часто незаконную хозяйственную деятельность на не вошедших в поместные оклады окружающих их пустующих незанятых землях. Процесс этот начался уже после первых массовых верстаний в 1652/1653 г., что отмечали и последующие правительственные указы: «…и *по их челобитью* велено им тех городов ***с посадов выселиватца*** и ***на своих землях*** дворами и усадьбами и огородами *строитца* тех городов ***в уездех****к своей пашенной земли*, и теми их землями и сенными покосы и всякими угодьи владеть по своим дачам *против их помесных окладов*» [10, с. 485].

Но, вероятно, он должен был достичь по-настоящему серьезных масштабов только после массовой записи «приборных» и других категорий «вольных людей» в полки «нового строя» при образовании Белгородского разряда в 1658 г. Однако сомнительно, чтобы верстание тогда же сопровождалось столь же массовым «испомещением» - новоиспеченные «дети боярские» были тут же отправлены в длительную военную кампанию и оторваны от своих домов почти на два года, да и руководству Белгородского разряда, занятому военными операциями, не хватало времени и возможностей для занятия испомещением, а для подачи просьб об этом в Поместный приказ самим «городам» надо было отправить своих представителей в столицу.

Очевидно, возможности появились именно в 1660 г. в ходе временной передышки в кампаниях Белгородского полка при возвращении его служилых людей в уезды. Тогда же испомещение было форсировано и правительством: Г.Г. Ромодановский к лету 1660 г. получил правительственный указ о размещении людей полков «нового строя» территориальными поселениями в уездах (*«и* ***солдатских и драгунских полков ратным людем указал ты жить***

по городом, по росписи думного дьяка Семена Заборовского, а где которому полку велено жить, и тое роспись послать к нам из Розряду»), поставивший воеводу в тупик, ибо «росписи в Белегороде думного дьяка Семена Заборовского такой нет, которым драгунским и солдатским полкам в которых городех жить; только пешие полки росписаны по городом, а в тех ли им городех жить, и того в паметех думного дьяка Семена Заборовского, как я в Белегороде у него полки принял, именно не написано и росписи не присылано» [3, с. 98, 99-100]. Тем не менее, вероятно, Г.Г. Ромодановский в 1660 г. должен был заняться не только восстановлением людских ресурсов Белгородского полка, но и хотя бы частичным испомещением людей из полков «нового строя», которое стимулировалось и челобитными вернувшихся из кампаний служилых людей.

Процесс этот прослежен А.С. Ракитиным на материалах Данкова. Уже в 1659 г. новоиспеченные данковские дети боярские Сергей Дегтярев «со товарищи», считавшие себя неверстанными, просили в Поместном приказе об испомещении себя в уезде под Теплым Липягом с окладами по 100 четвертей, но, как недавно верстанные из «прибора» и «вольницы», получили 26 июля 1659 г. только по 30 четей, при этом оставшаяся часть земель в Теплом Липяге была отдана таким же нововерстанным детям боярским-драгунам из данковских сторожевых казаков Савве Борбошину «стоварищи» [14, с. 126].

Так начинался процесс образования так называемых «солдатских сел» с мелкопоместными детьми боярскими полков «нового строя» в качестве основы их населения. Только в Данковском уезде в 1659 - 1680 г., по данным А.С. Ракитина, возникло по меньшей мере 10 таких сел (Бигильдино, Теплое, Избищи, Ягодное, Малинки, Долгое, Домачево, Топкое, Большие и Малые Ярославы), самыми ранними из которых, возникшими уже в 1659-1660 г., стали Теплое (под Теплым Липягом) и Избищи. Реальные средние размеры землевладения их детей боярских в 1670-е гг. (20-40 четвертей) мало чем отличались от «прибора» [подсчитано по: 14, с. 120-124], но в начале испомещения они, очевидно, надеялись на большее.

Верстание в дети боярские и начавшееся испомещение вызвало, очевидно, социальный раскол внутри «прибора», часть которого в ходе военной реформы отделилась от бывшей «братьи», получив более высокий статус и социальные привилегии. Это, как и растущая тяжесть пограничных служеб людей, оставшихся в уменьшившемся «приборе», не могло не вызывать недовольства, усугублявшегося медленным испомещением бывших кол-

лег. Передышка была слишком короткой, уже к лету основная часть Белгородского полка была мобилизована на службу и отправлена к Белгороду. Поздней осенью 1660 г. в дни поражения под Чудновом Белгородский полк вновь был двинут на Украину в новую тяжелую зимнюю кампанию [3, с. 178-179, 184-185, 223-224; 258-259], поэтому и в этом году на занятия испомещением почти не было времени.

В 1660 г. значительная часть детей боярских, верстанных из «прибора», еще не была испомещена в уездах, и потому пыталась закрепить за собой свои прежние «приборные» наделы, которые, таким образом, выходили «из службы», т.е. из служебного фонда «приборных» земель.

Это могло затруднить вероятное восстановление численности «прибора» после окончания войны, и потому вызывало сопротивление «приборных» и стимулировало челобитные о возвращении бывших «коллег» в прибор, имевшие и явно выраженный земельный контекст. Хотя правительство в 1660 г., как мы видели, и отказало в возвращении в «прибор» 164 данковских и лебедянских стрельцов и казаков, оставив их в новом статусе, оно, тем не менее, запретило им владеть прежними «приборными» наделами и предписало наделить их земельными окладами из «дикого поля» [14, с. 125]. Просьба данковских детей боярских второго новооснованного «солдатского» села Избищи Емельяна Серого «с товарищи» об отмежевании их земель «промеж полковых казаков, чем прежде владели» от земель их бывшей «братьи», вызвала в 1660 г. челобитную этой «братьи» полковых казаков Пимена Ельшаева «сотоварищи» о незаконном верстании первых в дети боярские, с утаиванием факта их перевода из казаков в полки «нового строя». Челобитная П. Ельшаева привела к решению Разряда о временном возвращении их бывших коллег в «прибор», заключении данковским стрелецким и казачьим головой Саввой Потаповым лидеров подачи первой челобитной Емельяна Серого «в чепи» и битью их батогами [14, с. 127].

Тот же Савва Потапов, стрелецкий и казачий голова Данкова, в следующем, 1661 г., предпринял еще одну попытку вернуть в «прибор» из детей боярских 110 бывших стрельцов и казаков Лучки Степанова «сотоварищи», верстанных по неизвестному указу, и снова добился лишь частичного и временного успеха [14, с. 125]. Должностные лица и «приборные» Данкова не случайно в эти годы стали инициаторами и оказались столь настойчивы в борьбе за возвращение в «прибор» - казаки, составлявшие там до реформы его основу, в смете 1663 г. исчезли фактически совсем (см. таблицу 2).

Попытки эти неудивительны: с маршем осенью 1660 – зимой 1661 г. полевых сил Белгородского полка на Украину тяжесть городовых и пограничных служеб, сократившихся в числе «приборных» на юге, снова резко возросла: 20 сентября 1660 г. челобитная с жалобами на нее была подана «приборными» пограничных Валуек, которые «оскудали большой скудостью и лошадьми опали, служим … твою службу многие пеши и без ружья». Как и новооскольцы в 1658 г., служилые Валуек напоминали, что «лет с 8 и больше» не получали денежного жалованья; положение усугублялось в сыром и дождливом 1660 г. [3, с. 122] хлебным недородом, соединившимся с взлетом «медной инфляции» и вызвавшим резкий скачок хлебных цен [3, с. 158], что 17 октября 1660 г. вызвало правительственный указ о запрете вывоза хлеба для торговли за пределы Белгородского разряда [3, 182].

Но правительство не принимало во внимание возросшую тяжесть служеб «прибора»: еще и в начале ноября 1660 г., отправив Белгородский полк в поход, оно ждало массового татарского набега на города Белгородского разряда, и еще больше ужесточало караульную службу, предписывая жить «с великим береженьем, денные и ночные сторожи держать крепкие и вестей про воинских людей проведывать всякими обычаи…» [3, с. 200]. В этих условиях трудно было ожидать облегчения повинностей и восстановления численности «прибора» южных городов.

* * *

История «разрядной» реформы 1658 г. на юге со всей очевидностью демонстрирует, что эта стадия военной реформы Алексея Михайловича по меньшей мере в первые три-четыре года оказала самое серьезное влияние на контингенты «служилых людей по прибору» в южных городах России. Строительство полевой армии здесь шло во многом за счет «прибора», и, вероятно, почти исчерпало людские ресурсы южных «городов». Потребность в наращивании именно полевых сил и растущие неудачи в ходе боевых действий в русско-польской войне 1654-1667 гг. привели к существенному сокращению контингента «приборных» при сохранении и даже увеличении объемов сторожевой службы на оголившихся с уходом полевого Белгородского полка южных границах.

Таким образом, правительство фактически временно пожертвовало «прибором» ради строительства полевой армии, а возросшая нужда в ней в момент тяжелых поражений 1659-1660 г. не оставляла надежд на скорое восстановление численности его контингентов, заставляя правительственные круги в эти годы раз за разом отказывать в просьбах о возвращении людей из полков «нового строя» в «прибор».

Список литературы

1. Александров В.А. Стрелецкое население южных городов России в XVIIв. // Новое о прошлом нашей страны /В.А. Александров. - М.: Наука, 1967. - С. 242-249.

2. Акты Московского государства изданные императорскою Академией наук. Т. II. Разрядный приказ. Московский стол. 1635-1639. - СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1894.

3. Акты Московского государства изданные императорскою Академией наук. Т. III. Разрядный приказ. Московский стол. 1660-1664. - СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1901.

4. Бабулин И.Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом. (1658-1659 гг.) / И.Б.Бабулин - М. : "Русские витязи", 2015. – 400 с.

5. Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 гг. / С.Б.Веселовский // ЧОИДР. - Кн. 3. - 1911. - С. 4-54.

6. Горбачев В. И. Стрелецкое войско рязанских и украинных городов России 30-40-х гг. XVII в. – Диссертация … канд. ист. Наук / В.И.Горбачев. - Рязань, 2012. – 184 с.

7. Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656-1658 гг. / О.А.Курбатов // Архив русской истории. - Вып. 8. - М. : Древнехранилище, 2007. - С. 175-197.

8. Курбатов О.А. Очерк истории конных полков «нового строя» русской армии от начала их существования до окончания русско-шведской войны 1656-1658 гг. / О.А. Курбатов // Единорог. - Вып. 3. - М., 2014. - С. 90-136.

9. Курбатов О.А. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVIIв. / О.А.Курбатов // Иноземцы в России в XV-XVII в. : Сборник материалов конференций 2002-2004 гг. - М., 2006. - С. 18-34.

10. Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России в XVIIв. /Т.А.Лаптева. - М. : Древнехранилище, 2010. – 596 с.

11. Ляпин Д.А. История Елецкого уезда в конце XVI – XVII в. / Д.А.Ляпин. – Тула: Гриф и К, 2011.

12. Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656-1671/ А.В.Малов. - М. : Древнехранилище, 2006. – 624 с.

13. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами во второй половине XVIIвека/ А.А. Новосельский // Исследования по истории эпохи феодализма. – М. : Наука, 1994. - С. 13-115.

14. Ракитин А.С. Казаки Данкова на государевой службе во второй половине XVI-XVII вв. / А.С. Ракитин. – Воронеж : АО «Воронежская областная типография», 2018. – 168 с.

15. «Смета великого государя …царей, царевичей, и бояр … и всяких служилых людей нынешнего 159 году» // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII – первой половины XVIII в. М., 1989. - С. 8-32.

16. Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV – XVII вв. /А.В. Чернов. - М. : Воениздат, 1954. – 224 с.

17. Stevens Belkin Carol. Soldiers on the Steppe. Northern IllinoisUniversity Press. DeKalb. 1995.

18. Brian L. Davies. State Power and community in Early Modern Russia. The Case of Koslov, 1635-1649. Palgrave Macmillan, 2004.

References

1. Aleksandrov V.A. Streleckoe naselenie yuzhnihkh gorodov Rossii v XVII v. // Novoe o proshlom nasheyj stranih. M., 1967. S. 242-249.
2. Aktih Moskovskogo gosudarstva izdannihe imperatorskoyu Akademieyj nauk. T. II. Razryadnihyj prikaz. Moskovskiyj stol. 1635-1639. SPb., 1894.
3. Aktih Moskovskogo gosudarstva izdannihe imperatorskoyu Akademieyj nauk. T. III. Razryadnihyj prikaz. Moskovskiyj stol. 1660-1664. SPb., 1901.
4. Babulin I.B. Borjba za Ukrainu i bitva pod Konotopom. (1658-1659 gg.) - M.: "Russkie vityazi", 2015. – 400 s.
5. Veselovskiyj S.B. Smetih voennihkh sil Moskovskogo gosudarstva 1661-1663 gg. // ChOIDR. Kn. 3. 1911. S. 4-54.
6. Gorbachev V. I. Streleckoe voyjsko ryazanskikh i ukrainnihkh gorodov Rossii 30-40-kh gg. XVII v. – Dissertaciya … kand. ist. nauk. Ryazanj, 2012.
7. Kurbatov O.A. Organizaciya i boevihe kachestva russkoyj pekhotih «novogo stroya» nakanune i v khode russko-shvedskoyj voyjnih 1656-1658 gg. // Arkhiv russkoyj istorii. Vihp. 8. M., «Drevnekhranilithe», 2007. S. 175-197.
8. Kurbatov O.A. Ocherk istorii konnihkh polkov «novogo stroya» russkoyj armii ot nachala ikh suthestvovaniya do okonchaniya russko-shvedskoyj voyjnih 1656-1658 gg. // Edinorog. Vihp. 3. M., 2014. S. 90-136.
9. Kurbatov O.A. Rolj sluzhilihkh «nemcev» v reorganizacii russkoyj konnicih v seredine XVII v. // Ino-zemcih v Rossii v XV-XVII v. Sbornik materialov konferenciyj 2002-2004 gg. M., 2006. S. 18-34.
10. Lapteva T.A. Provincialjnoe dvoryanstvo Rossii v XVII v. M., Drevnekhranilithe. 2010.
11. Lyapin D.A. Istoriya Eleckogo uezda v konce XVI – XVII v. Tula. 2011.
12. Malov A.V. Moskovskie vihbornihe polki soldatskogo stroya v nachaljnihyj period svoeyj istorii. 1656-1671. M., 2006.
13. Novoseljskiyj A.A. Borjba Moskovskogo gosudarstva s tatarami vo vtoroyj polovine XVII veka. // Novoseljskiyj A.A. Issledovaniya po istorii ehpokhi feodalizma. M, Nauka. 1994. S. 13-115.
14. Rakitin A.S. Kazaki Dankova na gosudarevoyj sluzhbe vo vtoroyj polovine XVI-XVII vv. Voronezh, 2018. – 168 s.
15. «Smeta velikogo gosudarya …careyj, carevicheyj, i boyar … i vsyakikh sluzhilihkh lyudeyj nih-neshnego 159 godu» // Dvoryanstvo Rossii i ego krepostnihe krestjyane XVII – pervoyj polovinih XVIII v. M., 1989. S. 8-32.
16. Chernov A.V. Vooruzhennihe silih Russkogo gosudarstva v XV – XVII vv. M., 1954.
17. Stevens Belkin Carol. Soldiers on the Steppe. Northern Illinois University Press. DeKalb. 1995.
18. Brian L. Davies. State Power and community in Early Modern Russia. The Case of Koslov, 1635-1649. Palgrave Macmillan, 2004.

Цитирование: ПЕТРУХИНЦЕВ Н.Н. (2018) Служилые люди «по прибору» южных городов России и военная реформа Алексея Михайловича (на примере служилых «городов» Липецкого края) //Гуманитарные исследования Центральной России. 2018. № 3. С. 21-43.

Citation: PETRUKHINTSEV N.N. State servicemen “po priboru” from southern Russian towns and the millitary reform of Aleksey Mikhailovich (examplified by state-service “towns” of Lipetsk region). *Humanities researches of the Central Russia = Gumanitarnye issledovanija Central'noj Rossii.* 2018, no. 3, pp. 21-43.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ

УДК 343.8

ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ С ЛИЦАМИ, ОТБЫВШИМИ НАКАЗАНИЕ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, В РАМКАХ ПРОГРАММ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

Е.А. Малетина

Основной темой в представленной статье является социальная реабилитация и адаптация лиц, освободившихся из мест лишения свободы, а также описание опыта взаимодействия между государственными учреждениями и общественными организациями в вопросах предоставления гарантированных законом прав, в период постпенитенциарной ресоциализации, указанной категории лиц.

Ключевые слова: лица, освобожденные из мест лишения свободы, социальная адаптация, центры социальной адаптации, постпенитенциарная ресоциализация.

EXPERIENCE OF INTERACTION OF PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ORGANIZATIONS OF PERSONS SERVED THEIR SENTENCES IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY, IN THE FRAMEWORK OF PROGRAMS OF RE-SOCIALIZATION

E.A. Maletina

The main theme of the article is the social rehabilitation and adaptation of persons released from prison. The interaction between state institutions and civil society organizations in the provision of rights guaranteed by law, in the period of post-penitentiary resocialization of the mentioned category of persons.

Key words: persons released from places of imprisonment, social adaptation, social adaptation centres, post-penitentiary resocialization.

Социальная адаптация – это процесс приспособления к социальной среде, освоения социально значимых ролей и функций. В отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, – это процесс приспособления к изменившимся за время их изоляции от общества условиям, восстановления

социально полезных связей, освоения и исполнения социально значимых ролей и функций. Проблема социальной адаптации освобожденных рассматривается в неразрывной связи с проблемой профилактики срыва постпенитенциарной ресоциализации. При освобождении человека из исправительного учреждения, в котором он провел не один год, ему приходится столкнуться с проблемами прежде всего социального характера.

Работа, направленная на социальную адаптацию освобожденных, должна представлять собой комплекс государственно-правовых, социально-экономических, организационных и других мер, ориентированных на трудовое и бытовое устройство указанной категории лиц. Нельзя не обращать внимание на острые вопросы повышения их профессионального и образовательного уровня, предоставления им медицинского обслуживания, а также помощи в восстановлении социально полезных связей.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными от 30.08.1955 [2] и Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1990 «Основные принципы обращения с заключенными» [3] указывают на важность оказания помощи лицам, отбывшим наказание в местах лишения свободы, а также взаимодействие с ними в период постпенитенциарной ресоциализации. Нормативно-правовая база Российской Федерации в полной мере не освещает все вопросы, непосредственно связанные с проблематикой взаимодействия лиц, освобожденных из мест лишения свободы с другими членами общества. Это влечет за собой нескоординированное взаимодействие между государственными учреждениями и органами, а также различными общественными организациями. Стоит все-таки отметить, что некоторые Федеральные законы, действующие на текущий момент, а также нормативно-правовые акты органов государственной власти содержат очевидные предпосылки к этому. Доктор юридических наук, профессор А.И. Зубков отмечает, что принятие подобного рода законодательных актов сдерживается, прежде всего, отсутствием необходимых экономических условий. Однако не вызывает сомнения, что в перспективе юридические возможности получения должной помощи рассматриваемой категории лиц будут расширяться [1, с. 171].

В целях взаимодействия с людьми, которые недавно покинули исправительные учреждения, в некоторых субъектах Российской Федерации с учетом местных особенностей создаются центры социальной адаптации и реабилитации, а также другие специализированные учреждения. В них можно получить юридическую, соци-

альную и медицинскую помощь, содействие в восстановлении документов, регистрации, в поиске места работы, при необходимости – временное проживание. По результатам исследований, всего имеется 198 центров в 58 регионах.

Задачами нашей работы являются анализ сложившейся отечественной практики в решении вопросов граждан, отбывших наказание в местах лишения свободы, в субъектах Российской Федерации организациями, призванными обеспечить эффективность их постпенитенциарной ресоциализации, а также опыт взаимодействия государственных органов в реализации данной проблемы. Постпенитенциарная ресоциализация тесно связана с такими понятиями как социальная помощь, социальная поддержка, социальная защита, постпенитенциарный контроль, медико-социальная помощь, социальная реабилитация.

В четырех городах Красноярского края действуют социальные учреждения «Центр социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы», курирует которые управление социальной защиты населения администрации Красноярского края. Главной задачей Центра является профилактика срыва постпенитенциарной ресоциализации ранее судимых лиц, а также активное взаимодействие с ними. Учреждения оказывают постоянную или периодическую помощь, используя индивидуально разработанную программу предоставления социальных услуг. Возможен вариант временного проживания до полугода гражданами трудоспособного возраста, которые не являются инвалидами первой или второй группы. Деятельность направлена на оказание социальных, психологических, юридических и иных услуг.

В московском регионе в 2007 году для реализации комплексной социальной программы поддержки женщин был открыт и до сих пор успешно функционирует социально-реабилитационный центр «Аврора». «Целевой аудиторией» этого центра являются бывшие осужденные женщины и женщины, получившие условное наказание. К основным задачам Центра относятся психологическая, юридическая поддержка освободившихся женщин, их трудоустройство, адаптация к современным условиям жизни. Основной особенностью работы Центра является сочетание индивидуального подхода к каждой женщине с групповыми методами работы. «Аврора» располагает оснащенным компьютерным классом, в котором женщины получают азы компьютерной грамотности и навыки работы с документами. В Центре женщины, изъявившие желание, имеют уникальную возможность изучить английский язык.

Кроме этого, посетительницам Центра предлагается курс обучения парикмахерскому искусству, а при успешном прохождении курса обучения женщинам выдаются сертификаты и выплачивается стипендия.

В Чувашской Республике в 2003 г. создано государственное учреждение (далее - ГУ) «Республиканский центр социальной адаптации для лиц без определенного места жительства и занятий». В рамках республиканской целевой программы «Социальная адаптация лиц, освобождаемых и освободившихся из мест лишения свободы, а также осужденных к уголовным наказаниям, не связанным с лишением свободы, в Чувашской Республике» предусмотрено, что осужденные без определенного места жительства, отбывшие наказание в исправительных учреждениях в Чувашской Республике, направляются в ГУ «Республиканский центр социальной адаптации для лиц без определенного места жительства и занятий», где им предоставляются временная работа, питание, медицинская, психологическая и социальная помощь, при необходимости – юридические консультации. Прием в Центр осуществляется при личном обращении лиц, нуждающихся в социальном обслуживании, и носит добровольный заявительный характер, центр принимает всех обратившихся за помощью, не имеющих постоянного места жительства и занятий, но только при наличии свободных мест. По согласованию с дирекцией Центра администрация исправительных учреждений предварительно письменно сообщает о дате освобождения осужденных, которым не удалось восстановить социально-полезные связи и определить место жительство с целью обеспечения их койко-местом в день освобождения. Максимально допустимый срок пребывания в Центре – 3 месяца. Всем нуждающимся, принятым в Центр на обслуживание, по соглашению со страховой больничной кассой выдаются полисы обязательного медицинского страхования. Финансовое обеспечение учреждения осуществляется за счет бюджета Чувашской Республики.

В Санкт-Петербургском государственном бюджетном учреждении социального обслуживания «Центр социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы» (далее - ЦСА), организационная структура, связанная с вопросами постпенитенциарной ресоциализации лиц, покинувших исправительные учреждения, охватывает весь спектр особо значимых вопросов по жизнеустройству данной категории граждан, их интеграции в общество и снижению рецидивной преступности. Предмет деятельности ЦСА, имеющего несколько филиалов, – предоставление гражданам трудоспособного возраста, не

имеющим определенного места жительства (БОМЖ), освобожденным из исправительных учреждений, находящимся в трудной жизненной ситуации, временного места пребывания до полугода (срок пребывания может продлеваться до 1 года), социального обслуживания, а также проведение мероприятий по социальной адаптации указанных категорий лиц к условиям жизни в обществе.

В рамках программы «Безопасный город. Комплексные меры по профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге» государственной программы Санкт-Петербурга «Обеспечение законности, правопорядка и безопасности в Санкт-Петербурге» на 2015-2020 годы и в соответствии с Соглашением о взаимодействии ЦСА и Управлением федеральной службы исполнения наказания России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области специалисты ЦСА регулярно посещают исправительные учреждения на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Ими осуществляется выявление граждан, нуждающихся после освобождения в услугах социальной адаптации и ресоциализации.

С 2013 года действует соглашение о сотрудничестве УФСИН России по Республике Мордовия с Государственным комитетом Республики Мордовия по труду и занятости населения, а также региональным объединением работодателей «Союз работодателей Мордовии». В филиалах уголовно-исполнительных инспекций в дни регистрации работают мобильные центры занятости населения, которые осуществляют профессиональное информирование, профориентацию, консультирование, психологическую поддержку, оказание юридической помощи по вопросам законодательства о труде и занятости.

Правительством Оренбургской области в 2014 году утверждена государственная программа «Обеспечение общественного порядка и противодействия преступности в Оренбургской области на 2014-2020 годы». В рамках ее подпрограммы «Социальная реабилитация и адаптация лиц, освободившихся из мест лишения свободы», Комитету по молодежной политике Правительства области выделяются денежные средства на оплату обучения рабочим специальностям лиц, освободившихся из мест лишения свободы, а также организацию профильных лагерей для подростков, склонных к совершению правонарушений.

Приведенный выше анализ имеющихся организаций показывает, что права граждан, отбывших наказание в местах лишения свободы, не ущемлены, программы их социальной реабилитации постоянно разрабатываются и улучшаются; они могут получить под-

держку и помощь со стороны различных государственных и общественных социальных учреждений, занимающихся реабилитацией лиц этой категории. Региональные органы власти во взаимодействии с территориальными органами ФСИН России и общественными организациями прилагают немалые усилия для создания институтов, позволяющих интегрировать освобожденных лиц в общество с использованием уже имеющихся или вновь приобретенных ими социокультурных навыков. Но, как правило, в данный процесс включены не все субъекты государственной власти и общественных направлений. Поэтому хочется отметить, что еще более позитивный результат постпенитенциарной ресоциализации лиц, вернувшихся из мест лишения свободы, может быть достигнут путем организации и выработки общих механизмов и методов решения данной задачи государственными органами социальной защиты и обеспечения населения всех уровней, центрами социальной реабилитации, общественными и религиозными организациями, иными объединениями, а также частными лицами.

Список литературы

1. **Зубков А.И.** Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / А.И. Зубков. - М. : Норма, 2008. – 496 с.
2. **Минимальные стандартные правила обращения с заключенными** от 30.08.1955: [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ- URL: http://base.garant.ru/1305346/. (Дата обращения: 15.07.2018)
3. **Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН** от 14.12.1990 № 45/111 «Основные принципы обращения с заключенными»: [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ- URL: http://base.garant.ru/12123832/#friends/. (Дата обращения: 15.07.2018)

References

1. **Zubkov A.I.** Kommentarij k ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossijskoj Federatsii / M.: «Norma», 2008. – 496 s.
2. **Minimal'nye standartnye pravila obrashheniya s zaklyuchennymi** ot 30.08.1955: [Elektronnyj resurs] // Sistema GARANT- URL: http://base.garant.ru/1305346/. (Data obrashheniya: 15.07.2018).
3. **Rezolyutsiya General'noj Assamblei OON** ot 14.12.1990 № 45/111 «Osnovnye printsipy obrashheniya s zaklyuchennymi»: [Elektronnyj resurs] // Sistema GARANT- URL: http://base.garant.ru/12123832/#friends/. (Data obrashheniya: 15.07.2018).

Цитирование: МАЛЕТИНА Е.А. (2018) Опыт взаимодействия органов государственной власти и общественных организаций с лицами, отбывшими наказание в местах лишения свободы, в рамках программ ресоциализации//Гуманитарные исследования Центральной России. 2018. № 3. С. 44-50.

Citation: MALETINA E. A. Experience of interaction of public authorities and public organizations with people, who have served their sentences in penitentiaries, in the framework of re-socialization programs. *Humanities researches of the Central Russia = Gumanitarnye issledovanija Central'noj Rossii.* 2018, no. 3, pp. 44-50.

УДК 378.147

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ В КЛАССЕ ХОРОВОГО ДИРИЖИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ БАКАЛАВРИАТА

С.А. Воробьева

Аннотация. Настоящая статья посвящена некоторым аспектам работы над ритмоинтонацией, а ее цель – осветить вопросы исполнительства, научить бакалавров распознавать в нотном тексте ключевые моменты, определяющие эмоционально-образное содержание музыкального произведения и исходя из этого интерпретировать его.

Ключевые слова: интонирование, ритмоинтонация, ритмоинтонационная энергия, метроритмическая организация музыкального произведения, средства музыкальной выразительности; музыкальная форма, ритмическое развитие, фактурное развитие, кульминация, исполнительская интерпретация.

SOME ASPECTS OF THE ORGANIZATION OF INDEPENDENT WORK OF STUDENTS IN THE CLASS OF CHOIR CONDUCTING IN TERMS OF AN UNDERGRADUATE DEGREE

S.A. Vorobyova

Abstract. The given article is devoted to some aspects of work at rhythmointonation. The aim of this paper to highlight some problems of performing art: how to teach students to find in the note pattern key moments, which determine the emotional-imaginative content of a piece of music and, then on this basis interpret it.

Key words: intoning, rhythmointonation, metrorhythmic organization of musical work, means of musical expression, musical form, rhythmic development, tactile development, climax, performing interpretation.

Курс «Дирижирование и чтение хоровых партитур» относится к числу вариативных дисциплин основной образовательной программы обучения бакалавров направления подготовки «Педагогическое образование», профиля «Музыка и мировая художественная культура». Эта дисциплина имеет большое значение в подготовке будущих учителей музыки, поскольку наиболее распространенной формой музыкально-эстетического воспитания

школьников на уроках музыки является хоровое пение. И от того, насколько полно овладеет учитель музыки дирижерским мастерством, зависит успешность его профессиональной работы.

Однако за тот объем часов, который предусмотрен учебным планом на данную дисциплину, невозможно одновременно совершенствовать технику дирижирования бакалавров и рассмотреть вопросы исполнительства музыкальных произведений в полном объеме. Именно поэтому освоение бакалаврами дисциплиной «Дирижирование и чтение хоровых партитур» предполагает большой объем самостоятельной работы, в том числе связанной с теоретической подготовкой.

Вопросы исполнительства как в прошлом, так и сегодня привлекают внимание многочисленных исследователей музыкального искусства. Два противоположных подхода к музыкальному исполнительству излагает Б.В. Асафьев. Первый заключается в том, что процесс исполнительства становится сотворческим по отношению к авторскому замыслу. Второй – в том, что исполнение, по существу, сводится к механическому репродуцированию нотного текста в соответствии с выработанными техническими нормами исполнительского искусства [2, 297]. Первое позволяет говорить об особенностях индивидуального восприятия исполнителем композиторского замысла и о той ключевой идее, которой он руководствуется, трактуя какое-либо музыкальное сочинение. Второе же является ничем иным, как «озвучиванием» нотного текста в заданном композитором ритме.

Несмотря на то что звуковысотная и ритмическая организация нотного текста, как правило, не подлежат исполнительским изменениям, существующие различные интерпретации музыкальных сочинений позволяют выявить в музыке те факторы, которые являются предметом исполнительской трактовки. Прежде всего, письменная запись авторского замысла не совсем полно его раскрывает. По существу, нотная запись музыкального произведения представляет собой в некотором роде «*шифр*» к данному сочинению. Нотный текст, по мнению Г.М. Цыпина, является великолепным стимулятором художественной фантазии и воображения исполнителя. Схематичность, условность нотной записи (по сути, абстрактная знаковая система) делает необходимой «*встречную творческую инициативу* со стороны исполнителя» [11, с. 104]. «Именно многозначность музыкального образа и вытекающая из нее возможность различной расшифровки одной и той же нотной записи и придает работе музыканта-исполнителя творческий характер, ибо каждое исполнительское прочтение того, что заложено

«между строк» нотной записи, требует от исполнителя не только знаний и умений, но прежде всего художественного дара, интуиции, таланта» [4, с. 18].

Среди проблем исполнительского прочтения нотного текста наиболее актуальной является задача выявления ***интонационной сущности музыкального произведения.*** Об интонационной природе музыки написано немало трудов (А.Д. Алексеев, Б.В. Асафьев, Л.А. Мазель, Ю.Н. Тюлин и др.). Однако в известных музыковедческих исследованиях не содержится метода, с помощью которого исполнитель может интерпретировать то или иное сочинение.

Интонационная сущность музыки является объектом многочисленных исследований. Несмотря на широкий круг вопросов, возникающих в связи с обращением к данной теме, среди них можно выделить основные черты:

1) общие и специфические черты в речевом и музыкальном интонировании;
2) интонационная основа средств выразительности;
3) интонирование как проявление смысла и значения музыкального образа;
4) особенности исполнительской интонации.

С речью, словом, поэзией музыка была тесно связана на протяжении своего исторического развития. Особую значимость вопрос соотношения слова и музыки приобретает в оперном жанре. Так, А.С. Даргомыжский считал, что звук должен непосредственно отражать слово, тем самым, выражая «правду» [6, с. 8].

К проблеме взаимосвязи музыкального и речевого интонирования обращаются многие известные музыковеды. Среди них Л.А. Мазель наиболее полно раскрывает сущность речевого и музыкального интонирования. Он пишет, что «интонационная сфера живой речи – это все те же средства, которые передают эмоционально-смысловое содержание речи… через самый характер произнесения» [5, с. 65].

В музыке Л.А. Мазель рассматривает интонацию с двух сторон: с одной стороны, это исполнительское интонирование, точное или неточное, выразительное или невыразительное. С другой стороны, это мельчайшие мелодические обороты – интервалы, которые в условиях определенной ладотональности, метроритма, темпа, динамики, регистра, тембра и других выразительных средств становятся интонациями. Указывая на взаимосвязь музыкального и речевого интонирования, Л.А. Мазель также определяет их существенное отличие: «Если речевое интонирование сопутствует смысловому значению слов, то музыкальное является самостоятельным носителем музыкального смысла, главным сред-

ством создания музыкального образа… Речевое интонирование не имеет точно фиксированных и дифференцированных высотных соотношений, основой же музыкального интонирования является строго организованная высотная система» [5, с. 67].

О сходстве и различии речевой и музыкальной интонаций писал еще Б.В. Асафьев. Он считал, что «речевая и чисто музыкальная интонация – ветви одного звукового потока», в котором музыкальная интонация «никогда не теряет связи со словом». Различие же словесного и музыкального интонирования, по мнению Б.В. Асафьева, в том, что «слова можно говорить, не интонируя их качества, их истинного смысла, музыка же ***всегда интонационна*** и иначе «не слышима» [2, с. 225].

Аналогичного взгляда придерживается Е.А. Ручьевская. Изучая и развивая интонационную концепцию Асафьева, она также касается вопроса о сходстве и различии речевой и музыкальной интонаций, указывая, что «речь, как и музыка, имеет темп, скорость движения, ритм, цезуры расчленяется на отдельные построения». Однако если в речи отсутствует определенная звуковысотность, то в музыке существуют точные интервалы, которые соподчинены друг с другом [2, с. 5].

По мнению Е.В. Назайкинского, речевое начало в теории музыкальных жанров проявляет себя в трех основных стилистических наклонениях: декламационность, речитативность и повествовательность [7, с.159].

Многие исследователи, обращавшиеся к вопросу интонационной природы музыки, понимают интонирование как явление комплексное. Так, Л.А. Мазель считает, что «все богатство музыкальных средств – т.е. мелодия, гармония, ритм и т.д. имеет интонационную основу» [5, с. 15]. Для Б.В. Асафьева выразительные средства музыки также интонационны и «вне интонирования немыслимы» [2, с. 13]. Однако особое внимание он в этой связи, обращает на ритм и тембр. Оба эти фактора, по мнению Асафьева, имеют интонационный характер, то есть несут в себе тот или иной художественный смысл. При этом исследователь подчеркивает, что «ритм – не абстрактность: он – интонационный стержень» [2, с. 312]. Тембр же Б.В. Асафьев характеризует как важнейшее качество «звукоречи», содержащее в себе «определенный интонационный смысл» [1, с. 192]. Таким образом, Асафьев рассматривает интонирование как проявление музыкальной мысли. Именно это положение выражает сущность и эстетическую направленность его интонационной теории.

В качестве первичной ячейки, обладающей способностью к интонационному обобщению, Асафьев называет интервал. Во взаимосвязи с ритмом

интервал образует «простейшую, кратчайшую и навсегда неизбывно выразительную ритмоинтонационную форму» [2, с. 220]. При этом Б.В. Асафьев подчеркивает, что «ритм и интонация являются главными проводниками музыкальной выразительности и убедительности» [2, с. 260].

Обращаясь к вопросу интонационной природы музыки, Ю.Н. Тюлин различает понятия мотива и ритмоинтонационного оборота, который служит материалом для первого. По мнению Ю.Н. Тюлина, «каждая тема состоит из беспрерывного ряда ритмоинтонационных оборотов». При этом не все обороты, отмечает исследователь, имеют одинаково выразительное значение: одни из них играют более важную роль, «другие более нейтральны в этом отношении» [10, с. 14]. Интонационные обороты, имеющие особое выразительное значение, в том их объеме, в котором они придают теме характерные черты, Тюлин называет ***мотивами***.

Рассматривая интонационную сущность музыки, необходимо отметить ее тесную связь с исполнительским характером музыкального искусства. Данная сторона вопроса также является объектом исследования для многих теоретиков и практиков музыкально-исполнительского искусства.

Музыка предназначается для исполнения, поэтому «подразумеваемая, но не всегда фиксируемая в нотной записи (или фиксируемая очень неполно) исполнительская интонация является неотъемлемой стороной самой музыки, а не только ее интерпретации», считает Л.А. Мазель [5, с. 39]. При этом можно формально точно выполнить все предписания нотного текста, но, тем не менее, исказить характер музыки несоответствующим произнесением. Как справедливо замечает ученый, трудно оценить выразительные возможности каких-либо средств, особенно мелодических и ритмических, если нет необходимой, «молчаливо предполагаемой исполнительской интонации» [5, с. 39]. Наиболее афористично эту же мысль выражает Б.В. Асафьев, полагая, что «жизнь музыкального произведения – в его исполнении, т.е. раскрытии его смысла через интонирование» [2, с. 264].

Вышеизложенные идеи выдающихся музыковедов явились своеобразным импульсом для дальнейшего творческого их развития. Так, А.Д. Алексеев на примере известных пианистов раскрывает проблемы интонирования в исполнительском искусстве. Особенно близкой оказалась А.Д. Алексееву мысль Асафьева о выразительном значении метроритма в процессе интонирования. Как известно, Б.В. Асафьев утверждал, что «неинтонируемого ритма в музыке нет и быть не может» [2, с. 311]. Исходя из

этого, исследователь музыкальной формы считал ритм самым главным двигателем музыки. В музыкальной ткани произведения Асафьев выделяет ритмоинтонационные «точки опоры», которые притягивают к себе окружающие звукочастицы или, наоборот, отталкивают их. При этом наблюдается своеобразное распадение, ниспадение звукового потока [8, с. 183].

Опираясь на ритмоинтонационную идею Б.В. Асафьева и далее развивая ее, А.Д. Алексеев, в свою очередь, дифференцирует уровень напряжения ритмоинтонационной энергии как а) высокий, б) средний, в) низкий. На основе анализа различных интерпретаций музыкальных произведений он обнаруживает некоторые приемы накопления ратмоинтонационной энергии и последующего ее рассредоточения. При этом было выявлено, что интонации «накопления» образуются в процессе подготовки к кульминации, а интонации «рассредоточения» - в послекульминационном движении [1, с. 10].

Особенно важно учитывать, что развитие в музыке обусловлено чаще всего конфликтом «интонационно-ритмических сил стремления и торможения, причем начало тормозящее нередко выполняет двойную функцию – оно не только сковывает развитие, но одновременно стимулирует его» [1, с. 10]. Активизация интонационно-ритмического процесса достигается обычно взаимодействием этих двух сил, причем не только на уровне малых и больших разделов формы, но и внутри отдельных тактов путем использования акцентов разной силы и на разных долях такта.

На основе данного явления в развитии музыкальной формы А.Д. Алексеев выводит несколько типов взаимодействия интонационно-ритмических сил стремления и торможения:

а) постепенное накопление интонационно-ритмической энергии, не приводящее, однако, к резкому обострению конфликта между силами стремления и торможения;

б) нагнетение энергии путем борьбы двух противоположных ритмоинтонационных сил;

в) противопоставление силам стремления сил торможения, что в целом динамизирует и в то же время несколько «смягчает» конфликт двух ритмоинтонационных сил.

В связи с этими типами взаимодействия различаются завершающие фазы интонационно-ритмического развития. Они приводят либо к итоговой кульминации, либо к постепенному рассредоточению энергии. Во всем этом прослеживается основная проблема исполнительства, заключающаяся в умении расставить в произведении смысловые акценты и тем самым сосредоточиться на «фокусных интонациях» [1, с. 9].

На основании всего вышеизложенного можно выявить ***исполнительскую интонацию,*** определив наиболее существенные моменты ее воплощения. Особую важность в решении этого вопроса представляют интерпретаторские взгляды А.Д. Алексеева, рассмотренные ниже. Все моменты интонационно-ритмического развития, выявленные исследователем на примере фортепианной музыки, представляют большой интерес и во многом могут быть использованы в области хорового исполнительства, с учетом, однако, специфических особенностей этого вида искусства.

Определяя метод работы над ритмоинтонацией в хоровых произведениях, прежде всего необходимо выявить факторы, на нее влияющие. Как известно, таких факторов четыре:

1) структура музыкального произведения;
2) особенности ритмического развития;
3) интонационное строение музыкального материала;
4) особенности фактурного развития.

Важнейшим моментом в работе над ритмоинтонацией является ***анализ формы музыкального сочинения***, включая самые малые построения, какими являются мотивы.

Музыкальное сочинение, представляющее собой единое целое, можно поделить на отдельные части – большие или меньшие по размеру. Правильное, т.е. осмысленное разделение формы во многом способствует верному интонированию музыкального материала. Здесь важно учитывать, что разделительное значение имеет как появление нового музыкального материала, так и начало повторения ранее изложенного [5, с. 126]. Этот теоретический взгляд Л.А. Мазеля последовательно развивает А.Д. Алексеев, но уже с исполнительской точки зрения. Говоря о достижении целостности исполнения на уровне музыкальной формы, он также отмечает важность выявления в музыкальном сочинении как моментов обновления материала, так и моментов повторности. При этом А.Д. Алексеев подчеркивает необходимость акцентировать в повторности моменты новизны [1, с. 13].

Подробно рассмотрев структурные особенности музыкального сочинения, выявив соотношение мотивной повторности и неповторности, можно, таким образом, в тематическом материале определить «ключевые» ритмоинтонационные обороты и, исходя из этого, распределить ритмоинтонационную энергию в процессе исполнения данного произведения. Важное значение здесь имеет местоположение кульминации и ее художественно-образное содержание, в соответствии с которым она обычно трактуется.

Как правило, построениям, предшествующим кульминации, присуще накопление ритмоинтонационной энергии, что вызывает ощущение стремления, причем нередко (за счет агогических изменений) в сторону ускорения. Сама же кульминация является результатом этого интонационного стремления и отличается темповой и динамической устойчивостью. После кульминации, наоборот, происходит рассредоточение ритмоинтонационной энергии. Однако подобная закономерность в исполнительском процессе наиболее характерна для произведений лирического склада, без наличия в них конфликтных начал, хотя и среди сочинений подобного плана есть немало таких, в которых силы стремления выступают во взаимодействии с силами торможения. Но степень применения последних будет здесь значительно меньше, чем в произведениях драматического характера, где сочетание двух противоположностей ритмоинтонационной энергии придает особую выразительность процессу интонирования и создает ощущение эмоционального «накала». Последующее развитие приводит, как и в предыдущем случае, к рассредоточению ритмоинтонационной энергии.

Необходимо указать еще на один прием интонирования, отличающийся тем, что рассредоточение ритмоинтонационной энергии наступает здесь не после кульминационного построения, а в момент самой кульминации. Это означает, что процесс накопления ритмоинтонационной энергии в момент наивысшего подъема не достигает кульминационной вершины. Данный прием имеет большое психологическое воздействие и, как правило, используется в произведениях драматического характера.

Вторым важным фактором в работе над ритмоинтонацией является ***метроритмическая организация музыкального сочинения***. Рассматривая этот момент в исполнительском процессе, можно взять за основу положения, выдвинутые Л.А. Мазелем в области метроритма. Говоря о соотношении различных длительностей, автор рассматривает их в тесной связи с другими средствами музыкальной выразительности и на основе этого выводит различия в восприятии того или иного ритмического развития. Так, ритмическое учащение, отмечает исследователь, может восприниматься и как активизация движения, и как уменьшение весомости этого движения в зависимости от мелодического развития, динамики, характера предшествующего движения и от самого ритмического рисунка [5, с. 100]. Данное теоретическое положение наиболее ярко проявляется в кульминационных построениях. Так, если мелодическое нарастание предшествует кульминации, совпадает

с ритмическим оживлением, то это вызывает ощущение стремления и связано с приемом накопления ритмоинтонационной энергии. Сама же кульминация, как правило, излагается более крупными длительностями, ибо она представляет собой весомое, значительное построение, формулируемое как цель нарастания.

Говоря о крупных длительностях, Л.А. Мазель отмечает, что «при f и активной метроритмической акцентуации они производят впечатление весомости, значительности. При других обстоятельствах крупные длительности приобретают спокойный, сдержанный или певучий характер» [5, с. 28]. Однако следует отметить, что сам Л.А. Мазель, рассматривая выразительные возможности музыкальных средств, указывает на то, что тот или иной прием или средство музыкального языка не имеют определенного, раз и навсегда заданного выразительного значения. Поэтому все вышесказанное следует понимать лишь как наиболее типичные приемы музыкальной выразительности, имея в виду, что распределение ритмоинтонационной энергии необходимо всякий раз соразмерять в соответствии с художественно-образным содержанием произведения. «Привнося в музыку тот или иной эмоциональный колорит, сообщая ей ту или иную экспрессию, темпоритм имеет самое непосредственной отношение к исполнительской лепке звукового образа. Найден верный темпоритм – и произведение оживает под пальцами интерпретатора; нет – и поэтическая идея может оказаться деформированной, а то и полностью искаженной» [9, с. 163].

Следующий фактор, который играет важную роль в работе над ритмоинтонацией, это непосредственно ***интонационное строение музыкального материала***. В данном вопросе особенно ценной является мысль Б.В. Асафьева об «интонационном напряжении» интервала [2, с. 241].

Следует отметить, что степень интонационной напряженности интервала зависит от его местонахождения (в начале ли построения, кульминации или завершении), от направления движения мелодии, динамического и ритмического развития, а также тесситурных условий. Необходимо учитывать и то, что музыкальное произведение не всегда на протяжении всего развития наполнено тематизмом. Так, в сочинениях могут быть и фазы развития, основанные на общих формах движения. Однако концентрация образности происходит именно на тематическом материале. Поэтому важно выявить, прежде всего, тематический материал и определить в нем интонационное значение интервала или группы интервалов, и в соответствии с этим наметить процесс интонирования.

Известно, например, что, использование в музыкальных сочинениях интервалов септимы, тритона вносит в исполнение повышенную эмоциональную напряженность, особенно если данные интервалы являются «ключевыми» и находятся в кульминационных построениях. Особенно часто в музыке встречается интервал секунды. Прием интонирования этого интервала весьма многообразны. Если секундовые интервалы образуют поступенное движение, то, как утверждает Л.А. Мазель, восходящему движению должно соответствовать *нарастание* напряжения, а нисходящему – *спад* и успокоение [5, с. 77]. Нисходящее движение малых секунд интонируется, как правило, исходя из традиционного их понимания как интонаций жалобы, скорби [3, с. 17]. Что касается интервала кварты, то он нередко связывается с «фанфарностью» звучания, особенно если сочетается с пунктирным ритмом и торжественным характером сочинения.

Интересна интонационная трактовка интервала октавы. Б.В. Асафьев, критикуя положение элементарной теории о том, что октава – это тот же звук, но через семь ступеней, отмечает, что это «звук уже нового интонационного качества» [2, с. 219]. Следовательно, интонируя интервал октавы, необходимо выявлять в нем то или иное, но обязательно «новое качество».

Не менее важно в работе над ритмоинтонацией учитывать особенности ***фактурного развития***, так как фактура вбирает в себя целостный комплекс музыкально-выразительных средств и является главным показателем стилевых особенностей произведения.

Вопросы музыкальной фактуры наиболее полно освещаются в работах Л.А. Мазеля, Е.В. Назайкинского, М.А. Скребковой-Филатовой, Ю.Н. Тюлина, В.Н. Холоповой и других.

При сохранении однородной фактуры на протяжении всего произведения кульминационные моменты определяются исходя из особенностей интонационного, ритмического развития, тесситурных условий. В соответствии с этими средствами выразительности исполнитель распределяет ритмоинтонационную энергию, сосредотачивая ее вершины в кульминациях.

Если же в музыкальном сочинении происходит смена фактуры, то следует выявить наиболее «плотные» фактурные участки формы. Как правило, они совпадают с вершинами интонационного развития, поэтому к ним и должна быть направлена ритмоинтонационная энергия. Например, в произведениях полифонического склада построения хорального склада (аккордово-вертикального) типа являются наиболее «плотными» участками формы, где и должна сосредотачиваться ритмоинтонационная энергия,

фактурное уплотнение проявляется также и в тех случаях, когда используется divizi в отдельных партиях или, например, при смене средней тесситуры на высокую.

Таким образом, освоение студентами основными теоретическими положениями работы над ритмоинтонацией, изложенными в этой статье, поможет самостоятельно проанализировать хоровую партитуру, определить кульминацию, особенности ритмической организации и фактурного развития музыкального произведения и исходя из этих факторов выстроить собственную интерпретацию, предложив определенный вариант распределения ритмоинтонационной энергии. Важно понимать, что только с момента исполнения, которое должно быть органичным продолжением и завершением композиторского замысла, начинается подлинная жизнь музыкального сочинения. И чем прочнее будет теоретический фундамент подготовки будущего учителя музыки, тем ближе к воплощению авторского замысла будет исполнительская трактовка. Приступая к исполнению хоровой партитуры, следует учитывать все рассмотренные факторы, на нее влияющие. Следует помнить, что каждое средство обладает своим кругом выразительных возможностей, обусловленных как объективными свойствами и жизненными связями данного средства, так и сложившейся в ходе музыкально-исторического процесса способностью этого средства вызывать определенные представления и ассоциации. Реализация же какой-либо из возможностей зависит всякий раз от контекста, в котором данное средство выступает.

Список литературы

1. **Алексеев А.Д.** Интерпретация музыкальных произведений: учебное пособие по курсу «История фортепианного искусства» / А.Д. Алексеев. – М.: Государственный музыкально-педагогический институт им. Гнесиных, 1984. - 92 с.
2. **Асафьев Б.В.** Музыкальная форма как процесс / Б.В. Асафьев. – Л.: Музыка, 1971. - 376 с.
3. **Друскин М.С.** Пассионы и мессы И.С. Баха. – Л.: Музыка. - 1976. - 168 с.
4. **Живов В.Л**. Хоровое исполнительство: Теория. Методика. Практика: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В.Л. Живов. – М.: ВЛАДОС, 2003. – 272 с.
5. **Мазель Л.А.** Строение музыкальных произведений: учебное пособие / Л.А. Мазель. – М.: Музыка, 1986. – 528 с.
6. **Машевский Г.П.** Вокально-исполнительские и педагогические принципы А.С. Даргомыжского / Г.П. Машевский. – Л.: Музыка, 1976. – 64 с.
7. **Назайкинский Е.В.** Стиль и жанр в музыке: Учеб. пособие для студентов высших учеб. Заведений / Е.В. Назайкинский. – М.: ВЛАДОС, 2003. 248 с.

8. Орлова Е.М. Интонационная теория Асафьева как учение о специфике музыкального мышления / Е.М. Орлова. – М.: Музыка, 1984. - 303 с.

9. Психология музыкальной деятельности: Теория и практика: учебное пособие для студентов музыкальных факультетов высших педагогических учебных заведений / Под редакцией Г.М. Цыпина. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 368 с.

10.Тюлин Ю.Н. Строение музыкальной речи / Ю.Н. Тюлин. – М.: Музыка, 1969. – 174 с.

11.Цыпин Г.М. Музыкально-исполнительское искусство: Теория и практика / Г.М. Цыпин. – СПб.: Алетейя, 2001. – 320 с.

References

1. **Alekseev A.D.** Interpretacija muzykal'nyh proizvedenij. – M., 1984. - 92 s.
2. **Asaf'ev B.V.** Muzykal'naja forma kak process – L. : Muzyka, 1971.- 376 s.
3. **Druskin M.S.** Passiony i messy I.S. Baha. – L. : Muzyka, 1976.- 168 s.
4. **Zhivov V.L.** Horovoe ispolnitel'stvo: Teorija. Metodika. Praktika: Uchebnoe posobie dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij. – M.: VLADOS, 2003. – 272 s.
5. **Mazel' L.A.** Stroenie muzykal'nyh proizvedenij – M.: Muzyka, 1986. – 528 s.
6. **Mashevsky G.P.** Vokal'no-ispolnitel'skie i pedagogicheskie principy A.S. Dargomyzhskogo. – L.: Muzyka, 1976. – 64 s.
7. **Nazaikinskii E.V**. Stil' i zhanr v muzyke: Ucheb. posobie dlja studentov vysshih ucheb. zave-denij. – M.: VLADOS, 2003. 248 s.
8. **Orlova E.M.** Intonacionnaja teorija Asaf'eva kak uchenie o specifike muzykal'nogo mysh-lenija. – M.: Muzyka, 1984. -303 s..
9. **Psihologija muzykal'noj dejatel'nosti**: teorija i praktika: uchebnoe posobie dlja studentov muzykal'nyh fakul'tetov vysshih pedagogicheskih uchebnyh zavedenij /D.K. Kirnarskaja, N.I. Kijashhenko, K.V. Tarasova i drugie. Pod redakciej G.M. Cypina. – M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2003. – 368 s.
10. **Tjulin Yu.N.** Stroenie muzykal'noj rechi. – M.: Muzyka, 1969. – 174 s.
11. **Cypin G.M.** Muzykal'no-ispolnitel'skoe iskusstvo: Teorija i praktika. – SPb.: Aletejja, 2001. – 320 s.

Цитирование: ВОРОБЬЕВА С.А.(2018) Некоторые аспекты организации самостоятельной работы студентов в классе хорового дирижирования в условиях бакалавриата //Гуманитарные исследования Центральной России. 2018. № 3. С. 51-62.

Citation: VOROB'YOVA S.A. Some aspects of organization of individual work of students in choir conducting class in the context of bachelor training. *Humanities researches of the Central Russia = Gumanitarnye issledovanija Central'noj Rossii.* 2018, no. 3, pp. 51-62.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИКИ

УДК 372.893

ПРОБЛЕМЫ СОДЕРЖАНИЯ ШКОЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ в 60-е ГОДЫ XIX ВЕКА

Е.В. Кузьмина

В статье рассматривается участие отечественных историков в обсуждении проблем содержания школьного исторического образования в период реформ 60-х годов XIX века. Показан вклад С.М. Соловьёва, М.М.Стасюлевича, В.Я. Шульгина в обсуждение вопроса о соотношении истории как науки и учебного предмета. Учёные выступали за структурно целостный систематический курс истории в школе, построенный в соответствии с логикой науки, говорили о необходимости введения в его содержание исторических источников, предложили учебники, ставшие первым опытом школьной хрестоматии. Таким образом, были заложены основы для дальнейшей разработки принципа научности содержания школьного исторического образования.

Ключевые слова: школьные реформы 60-х годов XIX века, содержание школьного исторического образования, история как наука и учебный предмет, С.М. Соловьёв, М.М.Стасюлевич, В.Я. Шульгин.

THE PROBLEMS OF THE CONTENT OF SCHOOL HISTORICAL EDUCATION IN THE WORKS OF RUSSIAN HISTORIANS IN THE 60-s OF THE XIX CENTURY

E.V. Kuzmina

The article deals with the participation of Russian historians in the discussion of the problems of the content of school historical education during the reforms of the 60s of the XIX century. The contribution of S. M. Soloviev, M. M. Stasyulevich, V. Y. Shulgin in the discussion of the question of the relationship between history as a science and a school subject was shown. Scientists advocated for a structurally holistic systematic course of history in the school, built in accordance with the logic of science, talked about the need to introduce its content of historical sources, offered textbooks, which became the first experience of school

historical chrestomathy. Thus, the foundations for the further development of the principle of scientific content of school historical education were laid.

Key words: school reforms of the 60s of the XIX century, the content of school historical education, history as a science and academic subject, S.M. Soloviev, M.M. Stasyulevich, V. Ya. Shulgin.

Необходимость соответствия содержания школьных курсов принципу научности сегодня – аксиома. Такое представление формировалось в контексте развития педагогики, предметных методик и самих наук, изучаемых в школе. Что качается истории, то ещё в середине XIX века была широко распространена точка зрения о нецелесообразности и даже невозможности её изучения в школе как науки: предлагали ограничиваться эпизодическими рассказами, несущими наибольшее воспитательное значение. Но уже к концу века в целом утвердился научный подход к содержанию школьного исторического образования. Результаты деятельности учёных были зафиксированы в Словаре Брокгауза и Ефрона: «От ответа на вопрос о том, в каком отношении история как предмет преподавания должна стоять к истории как науке, зависит и то, какие цели нужно поставить историческому преподаванию. Лучше педагогу держаться теперь того мнения, что преподавание истории должно иметь, по возможности, научный характер и содействовать научному пониманию действительности» [11, с. 187]. Важный шаг к этому был сделан в 60-е годы. Обсуждение проблем школы в процессе подготовки реформ и последовавшие преобразования в этой сфере послужили импульсом для дальнейшего развития педагогической науки и школьной практики. Благодатной почвой для актуализации частных педагогических вопросов, в том числе проблем обоснования содержания школьного образования, служили также достижения российской науки рассматриваемого периода. Существенное влияние на обоснование содержания школьных курсов истории не могли не оказать деятели исторической науки, переживавшей в рассматриваемый период подъём в своём развитии.

Середина и 60-е годы XIX века отмечены творчеством видных русских учёных, таких как Д.И. Иловайский, К.Д. Кавелин, Н.И. Костомаров, С.М. Соловьёв, М.М. Стасюлевич, В.Я. Шульгин и другие. Их исследования обогащали науку новыми фактами истории и подходами к пониманию сущности исторической науки. Это было время выдающегося прогресса в накоплении исторических фактов. В обществе наблюдалось заметное повышение интереса к проблемам истории. Активизировалась деятельность

существовавших исторических обществ и периодических изданий, создавались новые. В 1866 году в Санкт-Петербурге в ведении Министерства народного просвещения было создано Русское историческое общество. Члены этой общественной организации собирали и публиковали исторические документы, большей частью редкие или ранее не известные. К 60-м годам относится также появление первого российского научного исторического ежемесячного журнала «Русский архив», основанного в Москве. Заметно выросло количество исторических публикаций. Характеризуя историографию этого периода, исследователи отмечали, что «голый перечень статей по истории, появившихся в одних только периодических изданиях и за одно только десятилетие 1865-1875 годов обнимает собою 5 томов убористой печати по 500 страниц каждый» [1, с. 1]. Обращало на себя внимание не только большое количество исследований по истории, но и их высокий уровень: «появился целый ряд капитальнейших работ по истории XVII, XVIII, XIX веков, потому именно и капитальнейших, что они могли быть выполнены по всем правилам свободной исторической критики» [1, с. 1].

Некоторые учёные отрицали историю как науку в строгом смысле этого слова, но в рассматриваемый период был сделан важный шаг в формировании научных представлений об истории. По мнению современников, именно «в середине XIX века окончательно установилось воззрение на историю как науку» [11, с. 192]. В 60-е годы XIX века историю относили к социологическим наукам, которые включали в свой предмет факты и процессы из области психических явлений, к которым относилось всё, связанное с волей и деятельностью человека и человеческого общества. В самой исторической науке существовали школы и течения, по-разному определявшие предмет своего исследования: это зарождение и развитие институтов власти, действия выдающихся личностей, достижения народов. В 60-е годы определились два основных направления в исторической науке – история политическая, традиционная и относительно новое, отразившее в себе многие черты позитивизма, – история культуры.

Предметом исследования политической истории являлось почти исключительно государство и его отношения с другими государствами. В истории культуры главный акцент был перенесён на различные институты народной жизни, «на установление исторических типов и средних величин» [9, с. 43]. В историю культуры, или историю образованности, как её часто называли в 60-е годы, стали включать историю экономического быта, историю нравов и права, научных теорий, экономиче-

ских доктрин, историю искусства, религии, церкви, материальной культуры и техники и так далее. Сам факт существования различных взглядов на историческое развитие общества вызывал необходимость выделить в соответствующем контексте идеи, ценные для воспитания и обучения личности, и обосновать содержание истории в школе с учётом достижений исторической науки. В основе выдвигавшихся концепций лежали представления о соотношении истории как науки и как предмета школьного изучения.

Первым по значимости вклада в развитие исторического знания в данный период следует назвать С.М. Соловьёва. Однако из своего богатого творческого наследия он почти не оставил высказываний о теоретических проблемах исторической науки. Своё понимание истории как науки С.М. Соловьёв выразил в изложении самой русской истории. В концепции учёного, в самом общем её рассмотрении, история была представлена в качестве закономерного процесса, обусловленного внутренними причинами. С.М. Соловьёв выделил основные принципы написания истории: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию – вот обязанность историка в настоящее время …» [4, с. 8]. Это положение прозвучало как требование, исходя из которого следовало формировать содержание исторического курса. На практике учёный неукоснительно следовал изложенным принципам. В его трудах «строгая логическая последовательность в выводах … царит над всем сочинением; вывод и факты являются чем-то неразрывным, родным друг другу», – вспоминал В.О. Ключевский [2, с. 499]. В жизни С.М. Соловьёва нашлось место и педагогической деятельности. Это была не только университетская преподавательская работа. В молодости историк был домашним учителем детей графа А.П. Строганова, позднее преподавал историю наследнику престола Николаю Александровичу, а в 1866 году будущему императору Александру III.

Разумеется, школьному изучению истории С.М. Соловьёв придавал огромное значение. Он писал: «Странно было бы в наше время поднимать вопрос о пользе и необходимости истории. Человек, не отрекаясь от своего ученичества, от мыслей, не может отречься от решения вопроса: как произошло то, что есть» [6, л. 2]. Учёный был убеждённым сторонником препо-

давания истории как науки. Принимая участие в обсуждении насущных проблем содержания школьного исторического образования, он горячо отстаивал эту точку зрения. Известна его Докладная записка в совет Московского университета о преподавании истории в гимназии [5]. Отвечая на жалобы некоторых преподавателей о трудностях преподавания истории как целостной науки и предложения читать ее в гимназии отдельными спецкурсами, С.М. Соловьев обосновал принципиальное положение о том, что «история, преподаваемая только как наука, может иметь великое образовательное значение». Этот принцип он наполнил конкретным содержанием. Он доказывал, что основы науки нельзя преподать, изучая один какой-либо отдел науки, настаивал на структурной целостности школьных исторических курсов, которая позволяет выявить закономерности исторического процесса. В учебном материале должен присутствовать достаточный запас научных фактов, на основе которых можно выработать собственные взгляды, сделать общие выводы.

С.М. Соловьева называют выдающимся историком не только по тому весомому вкладу, который он внес в накопление исторического знания, написание самой русской истории, но и по тем открытиям и нововведениям, которыми он обогатил методический аппарат науки. Ученый применял новые, более совершенные по сравнению с предшественниками, методы и приемы исследований. Среди них были не только узкоспециальные, как, например, некоторые способы датировки грамот и актов, но и более широкого теоретического характера: метод критического анализа исторических источников; метод предположения на основе имеющихся данных с последующей проверкой; сопоставление фактов различного характера (экономических, политических, этнографических) для подтверждения или опровержения сведений документов и научных предположений. Его открытия и нововведения, обогатившие русскую историческую науку, показали первостепенное значение изучения источников для научного понимания истории. В связи с этим в дальнейшем их стали рассматривать как необходимую часть содержания исторического образования.

Практический шаг в этом направлении сделал В.Я. Шульгин, который ввел в свой учебник новый элемент – труды русских и зарубежных ученых [10]. Обоснованием введения этого служил его тезис о том, что только при непосредственном знакомстве с подлинными историческими произведениями, а не с учебным текстом достигается истинное понимание истории. В предисловии к учебнику он писал, что в учебном курсе основное место

должны занимать главные, наиболее развитые народы. В жизни этих «первостепенных» народов надо с особой полнотой показать главные исторические моменты и «изобразить личность главнейших исторических деятелей». При изложении материала нужно избегать дробного деления, особенно периодов второстепенных государств: «как можно менее голых чисел и безличных имен и как можно более живых людей – вот главное правило исторического преподавания и изучения». Рассказ о внешних политических событиях лучше отодвинуть на второй план, и особое внимание обратить «на внутреннюю жизнь народов в ее юридических, экономических, нравственных, религиозных, умственных и художественных проявлениях … в одном целом очерке, проникнутом одной идеей». Эти требования В.Я. Шульгин воплотил в содержание учебника, поместив в него очерки из исторических монографий и подчинив их одной общей идее, общему замыслу в соответствии с уровнем состояния науки.

Одним из убеждённых сторонников введения исторических источников в состав содержания образования был М.М. Стасюлевич. В его жизни немалое место занимала преподавательская деятельность и связанные с ней проблемы [3]. В течение нескольких лет он преподавал историю ученикам Ларинской гимназии в Санкт-Петербурге и воспитанницам старшего класса Патриотического института, недолгое время работал в Санкт-Петербургском университете на кафедре всеобщей истории. Он был приглашён учителем в царскую семью и несколько лет занимался всеобщей историей с великими князьями и наследником Николаем Александровичем. В педагогической командировке в Европу М.М. Стасюлевич изучал преподавание истории в Италии, Франции, Англии и Германии. В период подготовки школьных реформ его как сторонника прогрессивных преобразований, хорошо знакомого со школьным образованием как в России, так и на Западе привлекали к работе в министерстве народного просвещения, где учёный занимался вопросами преподавания истории и географии. В своём журнале «Вестник Европы», открытом в 1866 году, он много внимания уделял педагогическим публикациям.

Занимаясь научными проблемами истории и вопросами исторического преподавания, учёный пришёл к выводу о том, что в школьном изучении истории, как и в научном исследовании главное внимание должно уделяться фактическому материалу. Задачи учителя в этом случае сходны с основными задачами историка-учёного. «1. Историк должен собрать факты, поставить их в настоящем свете, преследуя при этом одну только точность собрания и истинность окраски. Где

нет точных фактов, где факты утратили свой колорит, там нет истории. 2. Когда факты собраны, поставлены каждый на своём месте, тогда предстоит постигнуть их взаимосвязь, причины, вызвавшие те явления, которые составляют жизнь общества, и которые заставляют его идти известными путями к известным целям» [8, с. 8]. Курс истории, по мнению автора, должен непосредственно знакомить ученика с фактами, приведёнными в источниках. Большое место в нём должна занимать общественная жизнь народов, просвещение, нравы, затем следует уделять внимание биографиям знаменитых исторических деятелей.

В 1860-е годы М.М. Стасюлевич издал в трёх томах «Историю средних веков» [7], в которой были собраны отрывки из исторических источников. Лучшие произведения средневековых авторов, по мнению М.М. Стасюлевича, характеризовали эпоху и изложенными фактами, и своим отношениям к описываемым событиям, и самой формой изложения, что оказывало влияние на развитие учеников. Для сопоставления и объяснения отдельных событий в книге были помещены статьи из монографий исследователей средних веков. Автор считал, что его труд будет пособием к новому подходу к изучению истории – реальному, который он противопоставил «формальной методе» – обучению по-старому, на основе текста учебника.

Несмотря на то что третий том остался незавершённым, книги пользовались большой популярностью. «История средних веков» М.М. Стасюлевича представляла собой первый опыт систематической хрестоматии по истории с обоснованным подбором источников и критических статей, разносторонне характеризовавших эпоху.

Таким образом, обращение к трудам отечественных историков 60-х годов XIX века показывает, что многие из них принимали участие в обсуждении проблем содержания школьного исторического образования. На представления о том, что из истории следует взять для изучения в школе, как построить курс, влияли, с одной стороны, активная разработка методологических проблем исторической науки, с другой – введение в научный оборот большого количества новых источников (прежде всего, С.М. Соловьёвым по русской истории). В этих условиях были даны ответы на важные вопросы исторического преподавания: в какой степени научность должна быть присуща истории в школе? Каково место исторического источника в школьном курсе? С.М. Соловьёв заложил основные представления о принципе научности содержания школьного исторического образования, в тесной связи с которым находилось и положение о

необходимости использования в нём исторических источников, сторонниками которого выступали, в частности, М.М. Стасюлевич и В.Я. Шульгин. Таким образом, в обосновании содержания курса истории в школе был создан основательный «задел», на который опирались в дальнейшем историки и методисты.

Список литературы

1. **Венгеров С.А.** Критико-библиографический словарь русских писателей и учёных / С.А. Венгеров. – СПб.: Семёновская Типо-литография (И. Ефрона), 1889. – Т. 1.– 1200 с.
2. **Ключевский В.О.** Исторические портреты: деятели исторической мысли / В.О. Ключевский. – М. : Правда, 1991. – 624 с.
3. **М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке**. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1911. – Т. 1. – 452 с.
4. **Соловьёв С.М.** История России с древнейших времён. – М.: Голос, 1993. – Кн. 1. – 753 с.
5. **Соловьёв С.М.** [О преподавании истории] // ОР РГБ. Ф. 285. К. 1. Ед. хр. 7. Л. 1-5.
6. **Соловьёв С.М.** [Об изучении истории] // ОР РГБ. Ф. 285. К. 9. Ед. хр. 6. Л. 1-4.
7. **Стасюлевич М.М**. История средних веков в её писателях и исследованиях новейших учёных: В 3 т. – СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1863-1866.
8. **Стасюлевич М.М.** Опыт исторического обзора главных систем философии истории. – СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1866. – 504 с.
9. **Хвостов В.М.** Эволюция исторической науки и её современное состояние. – М.: Тип. К.Л. Меньшова, 1916. – 52 с.
10. **Шульгин В.Я.** Курс всеобщей истории. История средних веков. – Киев: Тип. университета, 1858. – 514 с.
11. **Энциклопедический словарь** / Под ред. И.Е. Андриевского.– СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1896. – Т. XIX (37). – 493 с.

References

1. **Vengerov S.A.** Kritiko-bibliograficheskiy slovar russkikh pisateley i uchenykh. – SPb.: Semenovskaya Tipo-litografiya (I. Efrona), 1889. – T. 1. – 1200 s.
2. **Klyuchevskiy V.O.** Istoricheskiye portrety: deyateli istoricheskoy mysli. – M.: Pravda, 1991. – 624 s.
3. **M.M. Stasyulevich i ego sovremenniki v ikh perepiske**. – SPb.: Tip. M. Stasyulevicha, 1911. – T. 1. – 452 s.
4. **Solovyev S.M.** Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. – M.: Golos, 1993. – Kn.1. – 753 s.
5. **Solovyev S.M.** [O prepodavanii istorii] // OR RGB. F. 285. K. 1. Ed. khr. 7. L. 1-5.
6. **Solovyev S.M.** [Ob izuchenii istorii] // OR RGB. F. 285. K. 9. Ed. khr. 6. L. 1-4.
7. **Stasyulevich M.M.** Istoriya srednikh vekov v eye pisatelyakh i issledovaniyakh noveyshikh uchenykh: V 3 t. – SPb.: Tip. F.S. Sushchinskogo, 1863-1866.
8. **Stasyulevich M.M.** Opyt istoricheskogo obzora glavnykh sistem filosofii istorii. – SPb.: Tip. F.S. Sushchinskogo, 1866. – 504 s.

9. Khvostov V.M. Evolyutsiya istoricheskoy nauki i eye sovremennoye sostoyaniye. – M.: Tip. K.L. Menshova, 1916. – 52 s.
10. Shulgin V.Ya. Kurs vseobshchey istorii. Istoriya srednikh vekov. – Kiyev: Tip. universiteta, 1858. – 514 s.
11. Entsiklopedicheskiy slovar / Pod red. I.E. Andriyevskogo.– SPb.: F.A. Brokgauz, I.A. Efron, –1896. – T. XIX (37). -493 s.

Цитирование: КУЗЬМИНА Е.В. (2018) Проблемы содержания школьного исторического образования в трудах отечественных историков в 60-е годы XIX века//Гуманитарные исследования Центральной России. 2018. № 3. С. 63-71.

Citation: KUZMINA E.V. The problems of the content of school historical education in the works of russian historians in the 60-s of the 19th century. *Humanities researches of the Central Russia = Gumanitarnye issledovanija Central'noj Rossii.* 2018, no. 3, pp. 63-71.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ

УДК 314.74

МИГРАЦИОННЫЙ ОПЫТ И ТРАВМЫ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ РАССКАЗАХ РУССКИХ НЕМЦЕВ В ФРГ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

А.А. Линченко

В статье представлены результаты социологического исследования особенностей репрезентации травматического опыта в различных типах автобиографического рассказа русских немцев в ФРГ. Исследование выявило зависимость артикуляции травматического опыта и культурного шока русскоязычных жителей Германии от особенностей их автобиографического рассказа. Выявлены явные и косвенные случаи присутствия травматического опыта и элементов культурного шока, связанных с наличием разрывов автобиографического времени. Подтвержден вывод о ключевом значении культурной памяти, внутренних структур сообществ мигрантов и институтов принимающего общества для процессов конструирования индивидуальных и культурных травм русских немцев.

Ключевые слова: индивидуальная травма, культурная травма, миграция, идентичность, автобиографическая память.

MIGRATION EXPERIENCE AND PERSONAL MEMORY INJURIES IN THE AUTOBIOGRAPHICAL NARRATIVES OF THE RUSSIAN GERMANS IN FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY: THE EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL STUDY

A.A. Linchenko

The article presents the results of a sociological study of the features of the representation of traumatic experience in various types of autobiographical narratives of Russian Germans in the Federal Republic of Germany. The study revealed the dependence of articulation of traumatic experience and cultural shock of Russian-speaking residents of Germany on the features of their autobiographical story. Explicit and indirect cases of the presence of traumatic experiences and elements of cultural shock associated with the presence of breaks in autobiographical time were revealed. The conclusion about the key importance of the internal structures of the community, the media environment and the institutions of the host soci-

ety for the processes of constructing traumas of the cultural memory of Russian Germans was confirmed.

Key words: individual trauma, cultural trauma, migration, identity, autobiographical memory.

Исследование выполнено за счет средств гранта РФФИ (проект № 18-011-00658 «Травмы исторической памяти в сетевом обществе: медиа-репрезентации, социальные риски и стратегии детравматизации»)

Проблемы интеграции мигрантов в принимающие общества являются одной из наиболее обсуждаемых тем современности. Вместе с тем любой случай миграции предполагает наличие определенных проблем психологического и социокультурного характера, вызванных объективными трудностями адаптации в новой для мигрантов среде. Подобные психологические проблемы были хорошо изучены в зарубежной [11] и отечественной литературе [8]. В большинстве случаев исследователи сталкиваются с различным формами культурного шока, депрессиями, индивидуальными психологическими травмами [9, 10]. В этой связи психологические исследования травматического опыта оказываются частью более широких trauma studies, получивших распространение среди зарубежных исследователей [3, 4].

Проводя различие между психологической и культурной травмами, Н. Смелзер отмечает, что если первые «рождаются», то вторые – «создаются». В отношении культурной травмы он пишет: «Захватывающее или подавляющее событие, которое, как считается, подрывает или подавляет один или несколько ключевых элементов культуры или культуру целиком» [13, p. 38]. Развернутый анализ специфики процесса конструирования культурных травм был дан в работах Дж. Александера. Заслуживает внимания позиция Р. Айермана, предлагающего рассматривать индивидуальную психологическую травму в контексте ее взаимодействия с травмами коллективными и культурными [1, с. 123]. Говоря о миграционном опыте, мы сталкиваемся с конфигурацией как индивидуальных психологических травм, так и с культурными травмами, конструируемыми в мигрантских группах в процессе взаимодействия мигрантов и принимающего общества.

Цель данной работы – выявление особенностей осмысления и репрезентации травматического миграционного опыта в нарративах автобиографической памяти русскоязычных мигрантов Германии. Мы исходим из теоретической позиции, что положение мигрантов в принимающей стране могут и

должны быть описаны в контексте трансформации их внутреннего мира, одним из элементов которого является автобиографическая память. Данная статья представляет собой выборочные результаты исследования, проведенного во время пребывания докладчика в ФРГ весной 2018 года в г. Бохум. Нами было проведено 12 нарративных интервью в г. Бохум, Дортмунд, Зиген.

На сегодняшний день в ФРГ проживает около 2,5 млн граждан бывшего СССР, то есть речь идет о 4 % населения страны. В большинстве современных исследований рассматриваются, как правило, три основные группы («русские евреи», «русские немцы», коренные русские) [5]. Именно эти три группы обычно рассматриваются с позиции их интеграции в немецкое сообщество. В нашем исследовании была выбрана группа русских немцев. Предметом нашего исследования стали две группы русских немцев: «поздние переселенцы, считающие себя российскими немцами, людьми, принадлежащими к двум культурам одновременно»; и «поздние переселенцы, испытывающие кризис этнической идентификации, они не считают себя русскими в полной мере, но и не могут ощущать себя немцами» [12, s. 214]. Все интервью были проведены с представителями данных двух групп в трех возрастных категориях: 18-30 лет, 30-50 лет, 50 – 80 лет. В данной статье мы подробно остановимся только на результатах исследования представителей младшего и среднего поколения русских немцев в ФРГ (18-50 лет). Из всех мы выбрали для сравнения только те интервью, которые были даны респондентами, получившими высшее образование или находящимися на завершающих сроках обучения. В данной статье сравниваем интервью только тех респондентов, которые достигли определенного социального статуса, финансовой стабильности и являются гражданами ФРГ. Таковых нами было отобрано 6 интервью. Все опрошенные выросли и получили школьное образование в СССР или в России, на Украине, в Казахстане.

В процессе проведения интервью мы выявили, что разговор о травматическом опыте или его элементах зависит от самого типа автобиографического рассказа, репрезентирующего определенную модель жизненного опыта рассказчика. Это навело нас на мысль о необходимости использования достаточно распространенной методики биографического интервью и типологии биографического рассказа, представленной в работах Ф. Шютце и Г. Розенталь. Они предлагают рассматривать биографический рассказ, записанный в ходе нарративного интервью как концептуально единый [6, с. 327]. Соответственно, специфика данного

типа интервью состоит в максимальном удалении интервьюера и отсутствии вопросов, структурирующих рассказ. Проводя интервью, мы не вмешивались в ход рассказа, предоставляя респонденту выстроить сюжет своего жизненно-исторического рассказа, наполнить значимыми для него событиями и соответствующим образом его завершить. Далее респондентам были заданы несколько уточняющих вопросов. В исследованиях подчеркивается, что нарративное интервью содержит смысловое ядро (красную нить), отображающее целостность биографического рассказа и выражающее сконструированную идентичность. Задача исследователя – выявить гештальт биографического нарратива, т.е. рамку, которая организует рассказ о пережитом и придает ему смысл. В этой связи задачей нашего исследования стали сравнительный анализ генетической и текстуальной частей автобиографий, сопоставление различных конфигураций текстовых модальностей – рассказа, описания, аргументации. В свете работ Ф. Шютце и Г. Розенталь можно говорить как минимум о четырех типах биографического рассказа: биографии как траектории, биографии как стратегии, биографии как институциональной карьеры, биографии как опыте «превращения» [14].

Всегда ли травматический опыт становится явно репрезентированным в автобиографическом описании? Отвечая на данный вопрос скептически, мы будем рассматривать индивидуальные и культурные травмы в сознании мигрантов в контексте работ Й. Рюзена, который отмечает: «Травма представляет собой кризис, который разрушает структуру порождения смысла и препятствует ее восстановлению таким образом, чтобы она могла выполнять те же функции, что и разрушенная <…> травма – это опыт, который разрушает возможности его интерпретации, используемой для ориентации человеческой деятельности <…> те, кто пережил травмирующий опыт, вынуждены в борьбе преодолевать его. Они пытаются придать ему новую форму, чтобы он вновь приобрел смысл, т.е. чтобы он нашел свое место в работающих моделях интерпретации и понимания» [7, с. 55]. Другими словами, наличие разрывов между прошлым, настоящим и будущим, неспособность связать их в определенной смысловой биографической форме также являются косвенным свидетельством о наличия травматического опыта или его элементов.

Итак, первый и наиболее интересный для нас тип автобиографического рассказа – это биография как «траектория». Сам Ф. Шютце понимает под данным типом биографической работы форму жизнеописания человека, страдающего тяжелым заболеванием. Событийная канва оказывается ретро-

спективным процессом становления и разворачивания опыта страдания больного. Ключевым моментом в таком случае оказывается воспоминание о начальном этапе траектории, того момента, когда человек узнает о своей болезни.

В качестве примера приведем биографическое описание Елены (г. Зиген, 35 лет). Елена – психолог, имеет высшее образование, однако работает домохозяйкой. До 2000 г. она жила в Калининграде, куда переехала из Сибири. В Германии она оказалась в вместе с мамой, родственники которой покинули Россию в середине 90-х гг.

Генетический анализ ее биографии показал, что несмотря на то что хронологический порядок времени в данном типе рассказа не нарушается, а сюжеты развертываются от одного жизненного этапа к другому, описания (яркие моменты) и следующие за ними аргументации постоянно разрушают этот ритм. Наблюдается неравномерность распределения времени рассказа. Переломными периодами выступили переезд, первое время в Германии, трудности и неудачи семейной жизни. На протяжении всего повествования рассказчица постоянно возвращается к времени переезда, сожалеет об оставленном Калининграде, приводит примеры братьев мамы, которые вернулись в Россию. Хронологическое время рассказа постоянно расслаивается на привычный ход жизненных этапов и возвращение в момент переезда. В ее аргументации, сопровождающей рассказ, неизменно присутствуют альтернативы, связанные с переоценкой факта миграции и желанием находиться между мирами. Молодость респондента обуславливает направленность хронологического времени автобиографии из прошлого в будущее, однако переходы между этапами жизненного пути разорваны. Складывается ощущение, что респондент все время оказывается перед жизненным поворотом. В ее биографии это проявляется в том, что каждая новая секвенция разворачивается как потребность пережить время заново.

Текстуальный анализ биографии показывает, что переключение между речевыми модальностями происходит в переломных фазах ее жизни. Именно здесь больше всего описаний немцев, их качеств и романтической идеализации России. Недостатки Германии представляются респондентом в том числе и через характеристику родных и близких до и после переезда: *«Ну а в целом мама там* [в России – Л.А.] *была какой-то более жизнерадостной, какой-то живой, потому что у нее было много работы. <…> здесь она вот в целом стала какая-то… ну, наверное, в Германии люди такие больше, как бы сказать такие немножко невротичные что ли. Люди*

очень сильно контролируют свои эмоции» (Елена, 35 лет, Зиген).

На протяжении всех секвенций рассказа мы видим тему поисков себя через семейную жизнь, друзей, получение образования, дочь. Тема вызовов со стороны немецкого общества возникает как часть ее внутренних проблем. Рассказ завершается описанием комфортности ее текущего положения между мирами.

Тематизация травматического опыта разворачивается в такой автобиографии как тема поисков своей идентичности в контексте жизненных практик, где переезд в другую страну оказывается одной из причин разрушения привычного мира. Соответственно, тема нежелательного переезда с родителями и последующего депрессивного состояния и многочисленных стрессов получает развитие в контексте преодоления рассказчицей своих панических страхов и обретения себя. Она практически не описывает мир немцев, а скорее описывает пространство угроз и проблем в мире немцев. Интеграция оказывается в таком случае простым фоном развертывания ее личностной травматической динамики. Характеризуя свою идентичность, она говорит о себе как о «русской в Германии», хотя имеет немецкое происхождение. Она определяет себя как человека между двух миров. Это оказывается особенно заметным в рамках описания ее дочери, которая в последние годы начала проявлять интерес к русской культуре и языку. Прошлое для нашей рассказчицы оказывается важной частью бегства от невыносимого настоящего. В таком случае автобиографическая память оказывается своеобразным препятствием для интеграции и источником воспроизводства травматического опыта. Это усиливает роль ностальгических элементов, центральным из которых оказывается ностальгия по СССР эпохи Брежнева.

Еще одним примером биографического рассказа, наиболее ярко репрезентирующим особенности наложения травматического опыта на трудности адаптации в новой стране является тип биографии, условно названный Ф. Шютце «биография как превращение» (metamorphosis). Рассказывая о своей жизни, информант особо выделяет переломные моменты (эпифапии), которые он маркирует как ключевые события, способствующие его полному перерождению.

В нашем случае речь идет о Елене. Ее возраст – 45 лет. Она также проживает в г. Зиген. Елена является домохозяйкой и воспитывает дочь. В Германию она переехала из Брянска в начале 2000-х гг. Со своим мужем – этническим немцем, она познакомилась в конце 90-х гг. через Интернет. Свое высшее образование (учитель ино-

странного языка) она получила еще в России. До сих пор в России проживает ее мама, трагическая судьба которой оказалась центральным событием жизни нашей героини.

Хронология ее рассказа разворачивается линейно, со множеством описаний и сцен из детства до трагического события, приходящегося на ее студенческие годы – взрыва газовой плиты в г. Брянске и тяжелом состоянии ее мамы. Далее хронологический ряд прерывается и начинается череда примеров и описаний тяжелых ситуаций повседневности в больницах Москвы и Брянска. По сути, 60% интервью занимает рассказ о событиях взрыва газовой плиты и последующей реабилитации мамы респондента, трудностях повседневной жизни. Достаточно отметить, что выделенные в рассказе 4 секвенции распределены неравномерно. Так, первая секвенция, характеризующая рождение и жизнь в Воронеже, не включила в себя ни одного описания или аргументации. Вторая секвенция, связанная со счастливым детством, включает в себя 3 описания и 2 аргументации. Четвертая секвенция, повествующая о встрече с мужем и счастливой жизни в Германии, выявила лишь одно описание. И, наконец, третья секвенция, связанная с травматическим опытом, описанным выше, включает в себя 7 описаний и ни одной аргументации.

В завершение интервью следует еще одно эпохальное событие – встреча с будущим мужем, который увозит ее в Германию. Это радикально меняет ее жизнь, и автобиографическое повествование завершается серией аргументаций, представляющих собой сравнение своего детства и детства ее дочери, а также описанием достоинств российской повседневной жизни. Вместе с тем, подходя к данному сравнению и делая выводы, респондент показывает, что приходит к пониманию изменившихся условий жизни другим человеком: «*Россию вспоминаю очень часто, последнее время практически ежедневно. Было такое время, когда я часто задавала себе вопрос, правильно ли я поступила в том смысле, что получила бы моя дочь больше, чем здесь?»* (Елена, 45 лет, Зиген).

Взаимодействие с принимающим обществом для данного автобиографического случая оказывается набором контактов, которые являются эпизодическими и связаны, как правило, с повседневными заботами. Это в свою очередь определило тот набор описаний и примеров, которые встречаются в тексте рассказа. Большинство из них посвящены детству в Советском Союзе и отличаются высоким уровнем ностальгии. В рассказе постоянно возникает образ утраченного мира, который респондент не хочет терять.

Однако данные типы автобиографического рассказа оказались наименее распространенными среди всей совокупности интервью. Чаще встречаются в среде русскоговорящих жителей Германии два других типа рассказа, которые выявили низкий уровень репрезентации какого-либо травматического опыта или его элементов. Речь идет о таких типах биографического рассказа как «стратегия» и «институциональная карьера».

По мнению Ф. Шютце, пример биографии как стратегии – это форма жизнеописания человека, который «сделал себя сам». Рассказчик подчеркивает поступательное продвижение действующего лица от события к событию. Все этапы жизненного пути обдуманы и распланированы. Каждый из смысловых фрагментов при этом маркирован определенным событием, приобретающим особое значение в общей схеме биографии.

В нашем случае речь пойдет о примерах автобиографического рассказа Марианны, (22 года), и Романа (39 лет). Марианна переехала в Германию с мамой в начале 2000-х гг. и закончила школу в Германии. В Украине, в городе Тернополе, она жила в неполной семье. В данный момент она завершает обучение в Рурском университете г. Бохум и работает в сфере детского образования. Роман является преуспевающим менеджером коммерческой фирмы по продаже обуви в Германии. Он женат на этнической немке и имеет двое детей. В Германию он переехал вместе с семьей из Казахстана в середине 90-х гг., закончив школу в Алма-Ате. Роман вырос в семье бизнесмена. Высшее образование он получил в Германии.

Генетический анализ текста Марианны показал, что в данном случае хронологическое время является линейным, однако распределение временных отрезков неоднородно. Наиболее насыщенными оказались переезд и трудности в процессе обучения в немецкой школе и на первом курсе университета. Альтернативы не упоминаются, а вся последовательность ее рассказа представляется как постоянная борьба и преодоление трудностей. Причем тема ее ума и упорства проходит во всех секвенциях.

Именно тема упорства оказалась центральной в процессе текстуального анализа автобиографического нарратива Марианны. Каждая секвенция завершается у нее достижением определенного успеха и новым вызовом. С этой темой связано наибольшее количество описаний и аргументаций. Кульминацией оказывается победа рассказчицы в школьном споре с немецкими детьми относительно ее способностей. Вообще, тема вызовов со стороны немцев – одна из центральных в ее повествовании. Ей про-

тивостоят не только отдельные люди, но институты, система немецкой общественной жизни и даже немецкая ментальность и немецкий язык. Именно поэтому рассказ завершается длительным рассуждением о немцах и негативном отношении нашего респондента к ним. За рамками ее рассказа оказываются любовь, друзья, хобби в Германии, отношения с мамой и прочие внутренние переживания. Выявление травматического опыта в таком случае оказывается чрезвычайно сложной задачей. Даже о несчастном случае, в результате которого рассказчица чуть не утонула в детстве, она рассказывает в шутливой форме. Всего несколько слов говорит она относительно ее семьи, которая является неполной.

Трудно говорить о ярко выраженном травматическом опыте и в контексте темы интеграции в новом обществе. Эта тема в данной биографии раскрывается через плотное описание внешней среды, которую она преодолевает. Однако данная внешняя среда является источником развития ее личности. Тема интеграции раскрывается через сравнение Украины и Германии, украинцев и немцев, двух систем образования. Взаимоотношения с принимающим обществом оказываются частью жизненной стратегии по достижению целей и обретению мечты. Именно поэтому, отвечая на дополнительные вопросы, респондент указала на Испанию как наиболее предполагаемое место будущего проживания. Автобиографическая память в данном случае является источником дальнейшего развития мигранта, имеет конструктивное значение в переосмыслении своего миграционного опыта.

Сходные тенденции наблюдаем и в интервью с Романом. Главная интенция его интервью – «я всегда был самостоятельным человеком». Именно она проходит через описания его школьных лет, университетской жизни и, наконец, находит наиболее яркое выражение в описании его трудоустройства и карьеры. Примечательно, что его немецкие друзья и коллеги выступают в рассказе как помощники в его стремлении к независимости в немецком обществе. Он постоянно рассматривает свои предшествующие навыки (в том числе полученные в Казахстане). Трудности интеграции и примеры культурного шока им практически не обсуждаются. Свое место, как и Марианна, он определяет между двумя культурами: советской и немецкой.

В завершение кратко остановимся на еще одном типе биографического рассказа – биографии как институциональной карьере. По мнению Ф. Шютце, в данном случае основной темой биографии оказывается описание серии ролевых образов, которые соответствуют последовательно сменяю-

щим друг друга институциональным аффилиациям рассказчика. Жизненный путь в таком случае оказывается последовательностью и сочетанием цепочки ролей: ребенка, учащегося, военнослужащего, работника, отца, супруга, пенсионера и т.д.

Подобный пример мы находим в автобиографических описаниях Александра (39 лет, г. Дортмунд) и Михаила (38 лет, г. Бохум). Александр закончил начальную школу в России, в Карпинске и после этого с семьей переехал в Германию. После окончания школы и службы в армии он закончил университет и в настоящий момент является инженером на предприятии. Женат. Имеет одного ребенка. Михаил является университетским преподавателем и всю свою жизнь стремился учиться и жить в Германии. Он из учительской семьи. Школу и первое образование он получил в России, в Петербурге. В Германии он получил второе образование и уже 8 лет работает в университетской среде.

Рассказ Александра оказался самым маленьким среди собранных нами в Северной-Рейн-Вестфалии. Генетический анализ биографии показал, что свойствами хронологического времени в данном случае являются линейность и однородность. Практически все участки жизненного опыта респондента оказались равными, за исключением секвенции, повествующей о переезде и трудностях переходного периода в немецкой школе.

В процессе рассказа не упоминается ни одной альтернативы. Единственное объяснение рассказчика, что переезд был связан исключительно с экономическими причинами. Однако и данный опыт рассказчика, претендующий на статус травматического, описывается им в нескольких фразах, характеризующих массовую бедность 90-х гг. XX века в небольшом уральском городе. Об альтернативах он говорит уже только в завершение беседы, отвечая на специальный вопрос.

Время рассказа практически не имеет разрывов. Респондент просто констатирует факты прохождения определенных социальных ступеней: школа в России, переезд, интернат в Германии, школа в Германии, армия, университет, начало семейной жизни. Складывается впечатление, что он просто «плывет по течению», что особенно заметно на фоне минимального использования рассуждений о себе от первого лица. Текстуальный анализ показал низкий уровень описаний и аргументаций. Рассказ практически лишен эмоциональных переживаний. Каждая секвенция завершается неким закономерным итогом: «вообщем, мы переехали в Германию», «Меня призвали в армию», «В итоге я женился».

Опыт интеграции в таком случае в сравнении с предыдущими типами

биографии оказывается не просто фоном, но той средой, которая сама подталкивает респондента к определенным решениям. Он не описывает положительные или отрицательные качества немцев – просто констатирует факты взаимодействия с ними. Так, характеризуя свою учебу в университете, он отмечает: «*Ну, переломное решение, конечно же, был переезд. Это, конечно, повлияло на все, на все остальное. Ну, может быть переломное решение – это идти учиться в университет. В принципе сначала не планировал я это делать. Но потом так все-таки задумался «что дальше?», т.е. я как-то год отработал, потом так подумал, так жить или что-то делать всю оставшуюся жизнь или что-то менять в своей жизни, т.е. это тоже скорее всего было переломное решение*» (Александр, 39 лет, Дортмунд).

В ходе интервью выяснилось, что респондент отрицательно относится к своим немецким корням и однозначно рассматривает себя как русского, покинувшего Россию исключительно вследствие «тяжелой экономической ситуации». Однако в процессе разговора не выявлено противопоставления немцам. Круг его ориентации – это друзья и семья, а также русские немцы из родного города Карпинска, переехавшие в Дортмунд и Бохум. Важными маркерами его идентичности оказываются образы Родины, родной природы, а также положительная роль советского образования. Именно с этими образами связана его ностальгия.

Определенное сходство находим и в биографии Михаила. Вся его жизнь – это постепенное и последовательное движение в сторону немецкой культуры. Достижение им определенных этапов его биографии выглядит как спокойный и последовательный переход от одного состояния к другому. Однако в отличие от Александра он рассматривает себя скорее как «гражданина Европы». Свою биографию он характеризует как «биографию отличника».

Вместе с тем все представленные интервью продемонстрировали целый ряд общих тенденций. Во-первых, наиболее явно травмы индивидуальной и культурной памяти были выявлены в таких типах биографического рассказа как «траектория» и «превращение». Во-вторых, ни один из представителей данной возрастной группы (18-50) не выделил травмы памяти старшего поколения, связанные с эпохой репрессий, Великой Отечественной войны [2] как часть своей автобиографии. В-третьих, в большинстве интервью присутствует упоминание последствий травматического опыта и культурного шока миграции в среде старшего поколения русских немцев,

некоторые из которых так и не смогли полностью интегрироваться в немецкое общество. В-четвертых, исследование выявило доминирование среди респондентов таких типов биографического описания как «стратегия» и «институциональная карьера», в которых травматический опыт и культурный шок оказываются наименее репрезентированными в явной форме. Данные типы автобиографического рассказа оказались менее всего подверженны влиянию процессов конструирования культурных травм локальных сообществ русских немцев в Германии. Именно эти типы автобиографического описания, на наш взгляд, наиболее характерны для советских практик написания автобиографии с их направленностью на социальный оптимизм, проективность, высокую степень социализации, целеполагания и осознанности личной деятельности. Другими словами, сама культурная память советского и постсоветского общества в определенном смысле блокирует ощущение русскоязычными мигрантами некоего опыта как травматического или шокирующего.

Результаты многолетних исследований убедительно свидетельствуют о формировании в среде русских немцев особой «транснациональной идентичности», имеющей плавающие границы, выстраивающиеся ситуативно имеющемуся социальному контексту. Как отмечает В.Д. Попов, «для русскоязычных групп определяющей характеристикой является не этничность и не гражданство, а культурные практики» [5, с. 15-16]. Подчеркивается, что одной из характеристик, позволяющей провести водораздел между немцами «старой» ФРГ и «новыми немцами» (вкл. бывших жителей ГДР и русских немцев) является культурная память, границы которой оказывают влияние на границы идентичности. Еще более интересными представляются выводы М. Савоскул, которая смогла проследить интенсивность использования внутренних структур русскоязычного сообщества (русские землячества, исторические общества, театры, клубы, газеты, интернет-сайты, магазины) различными группами российских немцев в зависимости от типа этнической идентификации. Для тех русских немцев, которые прошли успешную интеграцию, данные структуры оказываются факторами поддержки. Однако для слабоинтегрированных лиц они «тормозят вхождение поздних переселенцев в жизнь немецкого общества. Не ослабляют, а только усиливают кризис самоидентичности» [12, s. 217].

Все это показывает, что в условиях современного, динамично трансформирующегося общества, актуализирующего сетевые формы взаимодействия, границы идентичности мигрантов и, как следствие, конфигурация их

индивидуальных и культурных травм являются результатом противоречивого соотношения культурных практик мигрантов, институтов принимающего общества и их собственного индивидуального жизненного опыта. В этом смысле противоречивый и полный трудностей индивидуальный жизненный опыт, индивидуальные травмы автобиографической памяти испытывают влияние соответствующих социальных рамок. Полем взаимодействия индивидуального и коллективного опыта в таком случае как раз и оказывается автобиографическая память мигранта, а также ее нарративы.

Таким образом, изучение жизненно-исторических воспоминаний является важным элементом современных trauma studies. Однако, несмотря на утвердившиеся мнения относительно сконструированного характера культурных травм, при обращении к группам мигрантов более справедливым было бы утверждение о существовании некоей конфигурации травм индивидуальной и культурной памяти. Это связано как с особенностями трудностей индивидуальной биографии, так и с огромным влиянием сообщества мигрантов и его институций. Исследование выявило зависимость артикуляции травматического опыта и культурного шока русскоязычных жителей Германии от особенностей их автобиографического рассказа. Было выявлено, что наиболее явно травмы индивидуальной и культурной памяти характерны для таких типов биографического рассказа как траектория и «превращение». Также необходимо говорить о явных и косвенных случаях присутствия травматического опыта и элементов культурного шока, связанных с наличием разрывов автобиографического времени. Ключевое значение для процессов конструирования травм культурной памяти русских немцев играют внутренние структуры сообщества, а также масс-медиа. Именно они задают те социальные рамки, которые способствуют формированию определенной конфигурации индивидуального и коллективного травматического и посттравматического опыта миграции.

Список литературы

1. Айерман Р. Социальная теория и травма / Р.Айерман // Социологическое обозрение. - 2013. - № 1. - Т. 12. - С.121-138.

2. Вашкау Н.Э. Страницы истории российских немцев / Н.Э. Вашкау. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. - 212 с.

3. Головашина О.В. Проблематика памяти и развитие «Memory studies» / О.В. Головашина // Философские традиции и современность. - 2012. - № 2(2). - С.116-127.

4. Николаи Ф.В. Полемика о травме и памяти в американских исследованиях культуры / Ф.В. Николаи. - М. : ФЛИНТА; Нижний Новгород : Мининский университет, 2017. - 184 с.
5. Попков В.Д. Покидая пределы этничности. Постсоветская эмиграция в Германии / В.Д. Попков. - Франкфурт-на-Майне : Посев, 2016. - 484 с.
6. Розенталь Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью / Г.Розенталь // Хрестоматия по устной истории. - СПб. : Новое литературное обозрение, 2003. - С.322-355.
7. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность / Й. Рюзен // Цепь времен: проблемы исторического сознания. - М. : ИВИ РАН, 2005. - С.38-62.
8. Хрусталева Н.С. Переживание психической травмы и печали в условиях эмиграции / Н.С.Хрусталева // Вестник Санкт-Петербургского университета. - 2010. - Сер. 12. - Вып. 1. - С.253-260.
9. Irwin R. Culture shock: negotiating feelings in the field // Anthropology Matters Journal.- 2007.- Vol. 9 (1).- pp.1-11.
10. Oberg K. Cultural Shock: adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. - 1960. -Vol. 7. -pp.177-182.
11. Perez Foster R.-M. When Immigration is Trauma: Guidelines for the Individual and Family Clinician // American Journal of Orthopsychiatry. -2001. April. -№ 71 (2).- pp.153-170.
12. Savoskul M. Russlanddeutsche in Deutschland: Integration und Typen der ethnischen Selbstidentifizierung // Zuhause Fremd: Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland / Hrsg. von S. Ipsen-Peitzmeier.- Bielefeld: Transcript, 2006.- S.197-221.
13. Smelser N. J. Psychological trauma and cultural trauma // J. C. Alexander, R.Eyerman, B. Giesen, N.J. Smelser, P. Sztompka //Cultural trauma and collective identity. -Berkeley: University of California Press, 2004.- pp.1-30.
14. Schütze F. Kognitive Figuren des autobiographischen Stegreiferzählens // Kohli, Martin (Ed.); Robert, Günther (Ed.): Biographie und Soziale Wirklichkeit: neue Beiträge und Forschungsperspektiven. -Stuttgart: Metzler, 1984.- S.78-117.

References

1. Ayerman R. Social'naya teoriya i travma // Sociologicheskoe obozrenie. -2013. -№ 1.- Vol.12. -P. 121-138.
2. Vashkau N.EH. Stranicy istorii rossijskih nemcev. -Volgograd, Izd-vo VolGU, 2006.- 212 p.
3. Golovashina O.V. Problematika pamyati i razvitie «Memory studies» // Filosofskie tradicii i sovremennost'. -2012.- № 2(2).- P. 116-127.
4. Nikolai F.V. Polemika o travme i pamyati v amerikanskih issledovaniyah kul'tury. -M.: FLINTA; Nizhniy Novgorod: Mininskiy universitet, 2017. - 184 p.
5. Popkov V.D. Pokidaya predely ehtnichnosti. Postsovetskaya ehmigraciya v Germanii.- Frankfurt-na-Mayne: Posev, 2016. -484 p.
6. Rozental' G. Rekonstrukciya rasskazov o zhizni: principy otbora, kotorymi rukovodstvuyutsya rasskazchiki v biograficheskih narrativnyh interv'yu // Hrestomatiya po ustnoy istorii. -SPb.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. -pp.322-355.

7. Rüsen J. Krizis, travma i identichnost' // Cep' vremen: problemy istoricheskogo soznaniya.- M.: IVI RAN, 2005. -pp.38-62.

8. Hrustaleva N.S. Perezhivanie psihicheskoy travmy i pechali v usloviyah ehmigracii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. -2010. -Ser. 12. -Vyp. 1. -pp.253-260.

9. Irwin R. Culture shock: negotiating feelings in the field // Anthropology Matters.- Journal 2007. Vol. 9 (1). -pp.1-11.

10. Oberg K. Cultural Shock: adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology. -1960. Vol. 7.- pp.177-182.

11. Perez Foster R.-M. When Immigration is Trauma: Guidelines for the Individual and Family Clinician // American Journal of Orthopsychiatry.- 2001. -April. -№ 71 (2).- pp.153-170.

12. Savoskul M. Russlanddeutsche in Deutschland: Integration und Typen der ethnischen Selbstidentifizierung // Zuhause Fremd: Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland / Hrsg. von S. Ipsen-Peitzmeier. -Bielefeld: Transcript, 2006. -S.197-221.

13. Smelser N. J. Psychological trauma and cultural trauma // J. C. Alexander, R.Eyerman, B. Giesen, N.J. Smelser, P. Sztompka //Cultural trauma and collective identity. -Berkeley: University of California Press, 2004. -S.78-117.

14. Schütze F. Kognitive Figuren des autobiographischen Stegreiferzählens // Kohli, Martin (Ed.); Robert, Günther (Ed.): Biographie und Soziale Wirklichkeit: neue Beiträge und Forschungsperspektiven. -Stuttgart: Metzler, 1984.- S.78-117.

Цитирование: ЛИНЧЕНКО А.А. (2018) Миграционный опыт и травмы индивидуальной памяти в автобиографических рассказах русских немцев в ФРГ: опыт социологического исследования //Гуманитарные исследования Центральной России. 2018. № 3. С. 72-86.

Citation: LINCHENKO A.A. Migration experience and personal memory traumas in the autobiographical narratives of russian germans in the Federal Republic of Germany: the experience of sociological study. *Humanities researches of the Central Russia = Gumanitarnye issledovanija Central'noj Rossii.* 2018, no. 3, pp. 72-86.

УДК 316.7

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ МОРАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

С.П. Жукова

В статье утверждается необходимость определения моральной составляющей исторической культуры в рамках тенденции обращения к этике в социально-гуманитарных трудах по исторической культуре; использование различных интерпретаций прошлого в социокультурных практиках усиливает актуальность темы. В статье предпринимается попытка определить уровни моральной составляющей исторической культуры: экзистенциально-нравственной рефлексии, морально-психологической регуляции, прикладной этики; на основании этого анализа делается вывод о фундировании исторической культуры экзистенциально-нравственными смыслами.

Ключевые слова: историческая культура, моральная составляющая исторической культуры, экзистенциально-нравственная рефлексия, морально-психологический регулятив, прикладная этика.

EXISTENTIAL SIGNIFICNCE OF A MORAL COMPONENT OF HISTORICAL CULTURE

S.P. Zhukova

The article affirms the need to define the moral component of a historical culture within the framework of the tendency to turn to ethics in social and humanitarian works on historical culture; the use of various interpretations of the past in sociocultural practices strengthens the relevance of the topic. The article attempts to explicate the levels of the moral component of historical culture: existential and moral reflection, moral and psychological regulation, applied ethics; on the basis of this analysis, a conclusion is made about the foundation of historical culture by existential and moral senses.

Keywords: historical culture, moral component of historical culture, existential and moral reflection, moral and psychological regulation, applied ethics.

Работа выполнена при поддержке гранта БРФФИ-РФФИ Г18Р-003.

Тема истории и морали изначально присутствует в классической этической мысли, о чем свидетельствуют труды Аристотеля, Августина, Н. Макиавелли, Дж. Вико, Ж.-Ж. Руссо, К. А. Гельвеция, Г. Гегеля и др. В постклассической этике тематизация истории и морали вызывает пристальное внимание исследователей (А. Бердяев, К. Маркс, Ф. Ницше, Ю. Хабермас, А. Швейцер, Н.К. Ясперс и др.). Краткий обзор этических исследований по истории нравственности, морали в истории позволяет эксплицировать определенные проблемные блоки: моральные оценки исторических событий и персон, их критерии, моральная корреляция целей и средств исторического развития, экспликация ориентиров добра и зла в истории, обоснование исторического характера морали, наконец, возможность нравственного смысла истории. (Можно отметить, что этический анализ базируется преимущественно на материале политической истории, деятельности элит).

Тематика морали в истории репрезентируется и в историческом знании. Если в процессе формирования научной истории моральный компонент присутствует скорее неявно как нормативно-оценочный аспект описания исторических событий, то в контексте сложившегося исторического знания фактор нравственной культуры (например, этос) включается в предмет истории. Историография предполагает моральную обусловленность интерпретаций исторических процессов.

Таким образом, тема истории и морали оказывается традиционной, имеет академический статус в гуманитарном знании. Но сегодня контекст морально пристрастного отношения к историческому прошлому и, соответственно, историческим перспективам не только присутствует в процессах публичной полемики в СМИ, различных социокультурных практиках, а также в научной исторической рефлексии, но и распространяется и на сферу образования. Обоснование новой актуальности морального компонента истории могло бы стать специальной проблемой. В данном случае следует зафиксировать определенные социокультурные основания, задающие взаимоисключающие идейные ориентиры и оценки в отношении истории, конкретных исторических событий в повседневной исторической рефлексии, а также заострение проблематичности определенных положений темы «история – мораль» в гуманитарном знании (например, моральной оценки и исторической рефлексии). Процессы глобализации и дифференциации (отчуждения) национальных и регио-

нальных социокультурных пространств, транзитивные процессы в социально-экономической сфере, релятивизм постмодерна и утверждение информационного общества с его «постчеловеческими» ценностями, коррелирующие с семиотическим поворотом в гуманитарном знании и антинормативным поворотом в этике, фундируют актуализацию проблематики исторического времени и исторической идентичности. В последней трети 20-го века исследователи отмечают трансформацию научной исторической рефлексии. Так, Л.П. Репина обращает внимание на «динамику исторического развития духовной сферы как на макросоциальном уровне, так и на уровне индивида… или микрогруппы», репрезентированную «триадой идей, стереотипов и ценностей» [6, с. 8]. Можно заметить релевантность такой проблематики нравственно-экзистенциальным смыслам и социально-нравственным механизмам регуляции в нравственной культуре.

Рефлексия отношения к историческому времени как в повседневности, так и на уровне научного осмысления, выстраивание практик взаимодействия с ним, обнаружение и понимание себя в историческом времени сегодня обозначается термином «историческая культура», утвердившимся в социально-гуманитарном знании. Представляется, что современным коррелятом темы «история и мораль» становится тема многоаспектного взаимодействия исторической и нравственной культуры. В таком тематическом пространстве репрезентируются взаимореализация и взаимозначимость человека и феномена исторического времени, интерпретации и конструирования исторического опыта; обнаруживается присутствие нравственной культуры в исторической как не просто элемента в системе, но всепроницающего контента. Концепт нравственной культуры предполагает исторически определенное взаимодействие человека и морали, значимость феномена морали, определение нравственных координат и себя в нравственном пространстве-времени. Теоретическая экспликация и определение значения моральной (нравственно-культурной) составляющей исторической культуры будет способствовать дальнейшему исследованию темы истории и морали, исторической и нравственной культуры.

В контексте многообразия концепций морали возможно предложить дефиницию, которая способствовала бы пониманию моральной составляющей исторической культуры. Феномен морали представляет собой обнаружение, переживание и осмысление человеком себя в мире не только как рефлексирующего существа, но и обладающего особым качеством человечности, наличествующим и перспективным; фено-

мен морали, таким образом, предполагает формирование релевантного человеческого мира и, тем самым, выбор и созидание человеком себя соответственно «закону человечности». Так человек отделяет себя (осознает себя иным) от природных детерминаций и социального функционирования. В феномене морали человек предстает как человечность, мир культуры и в то же время как уникальная личность. Фундаментальная значимость сущностной характеристики морали задает ее ценности, а также критерий определения исходных, базовых ориентиров морального мира, критерий морального выбора – добро и зло. Такая интерпретация морали имплицитно включает ее специфические характеристики, прежде всего, воспроизводящуюся оппозицию должного и сущего. Осознавая свою всегда незавершенность (несовершенство), человек стремится к самому себе как человечности (к совершенству). Значит, феномен морали предъявляет человеку экзистенциальную ситуацию морального выбора себя (смысложизненного выбора), творчества себя и мира, «подлинного» и «неподлинного» бытия, рефлексируемую в экзистенциальных переживаниях страха, совести и т.п. Наконец, моральное бытие явно не обладает социокультурной и исторически-культурной локализацией, но оказывается «вездесущим», пронизывающим историческое пространство и время, всеобщим. Укорененность морали в человеческом, человечности определяет невозможность отождествления морального и экзистенциального. Неотъемлемой характеристикой человечности является историчность, которая означает не только историческую изменчивость и вариативность нравственной культуры, но и реализацию человека морального в историческом времени, событийности, исторически сформировавшихся социуме, социальных организациях. Соответственно, феномен морали не может быть понят вне апелляции к так называемой «общественной морали» [4]; прикладная этика в качестве и компонента, и специфической характеристики современной нравственной культуры, в свою очередь, дополняет трактовку феномена морали в целом и предполагает рефлексию и реализацию систем общественной морали, определяемых моральными коллизиями в современных практиках социума, возникающими в связи с актуальным технологическим развитием. Итак, экзистенциальный уровень морали задает ее фундирующие смыслы (смысложизненные ориентиры, ценности и критерии морально подлинного существования), прочитываемые в контексте определенной семиосферы (Ю.М. Лотман), репрезентируемые в «исторических формах общественной морали» [4, с. 106]. Интересно, что проблематика и

проекты прикладной этики (например, проекты этической экспертизы) также задаются экзистенциальным уровнем бытия, предстают в качестве «злободневных экзистенциальных задач» [2]. Целостный феномен морали представляется достаточно сложно структурированным, что позволяет корректировать использование концепта нравственной культуры.

Осуществляя анализ истории концепта «историческая культура» и его дефиниций, А.А. Линченко делает вывод, что «историческая культура характеризуется посредством перечисления входящих в нее элементов, подчеркивается ее сложный, многоуровневый характер, ее принадлежность актуальному настоящему» [3, с. 52]. Другими словами, историческая культура репрезентируется преимущественно на эмпирическом уровне познания через перечисление и описание различных ее компонентов. Такими элементами являются, например, по Й. Рюзену, «все формы и способы восприятия прошлого в контексте настоящего и будущего», «все случаи «присутствия» прошлого в повседневной жизни» [3, с. 51]. Как бы в продолжение этого подхода в известной работе Л.П. Репиной называются «явления интеллектуальной сферы в контексте социального опыта, типы и формы исторической ментальности и общие процессы духовной жизни общества» [3, с. 52].

В контексте рассматриваемой темы важно подчеркнуть, что существующие в историческом знании (историографии, «дидактике истории») подходы к дефиниции исторической культуры содержат ее ценностно-ориентирующую, имплицитно присутствующую моральную характеристику. Так, немецкая дидактика истории предполагает идеологически корректное (в контексте либерально-нравственных ценностей) воздействие исторической культуры на общественное сознание. В работах историков признается, что историческая культура как форма обращения с историческим временем, прошлым, реализуется в контексте определенных культурных парадигм, представлений о благе, определенных благах. Перечень и описание компонентов исторической культуры содержат аллюзии относительно ее морального контента, более того, морального фундирования.

Постановка цели дефиниции моральной составляющей исторической культуры, экспликации ее сущностных характеристик, осуществления структурно-функционального анализа была бы пока преждевременной. Но выявление морально-этического аспекта определенных компонентов исторической культуры представляется возможным. Уместно обратиться к цен-

ностным основаниям исторической рефлексии, в частности, моральным оценкам исторических процессов, событий, персон прошлого, задающим моральный выбор, относящийся к настоящему, перспективам и выбор так или иначе исторического прошлого. В этих основаниях интегрируются экзистенциально-нравственные феномены смысла жизни и смысла истории, реализуясь в единой судьбе и определенных действиях как личности (профессионального историка, или участника каких-либо социально-гражданских действий, или просто представителя семьи, рода), так и некой общности. В повседневности экзистенциально-нравственные смыслы вписываются в социально-исторически конкретные системы ценностей, этосы. Существуют исследования по истории нравственности, в определенной степени репрезентирующие такие ценностно-нормативные системы [1, 5]. За известным набором ценностей (например, «Родина», «держава», «государство», «народ», «сограждане», «великая история» и т.п.), которые могут эксплуатироваться идеологически, прочитываются и непосредственно переживаемые экзистенциально-нравственные смыслы. Эти смыслы в случае их актуализации «оживляют», делают «работающими», превращают из пропагандистских лозунгов в «первостепенные ценности» исторически ситуативные варианты ценностных ориентиров. К таким компонентам исторически и личностно определенного экзистенциального опыта можно отнести также ценностные феномены малой родины, земли и родной природы, героического защитника, репрезентированные и в художественной культуре. Важно отметить, что подобные ценности экзистенциального опыта не являются собственно моральными. В данном случае исторически сформировавшиеся смыслы культуры (определенной семиосферы) в результате включения в экзистенциально-нравственную рефлексию приобретают нравственно- и историко-культурное значение.

Ценностные экзистенциально-нравственные ориентиры опосредованно реализуются в регулятивах исторической культуры (традициях отношения к прошлому, мемориальных церемониях, др.). Своего рода опосредующим звеном представляются морально-психологические «механизмы» регуляции, имеющие экзистенциальный характер. Морально-регулятивный компонент исторической культуры репрезентируется определенными наборами норм и правил в контексте исторических преобразований нравственности [1, 5]. Здесь можно назвать справедливость и мужество, милосердие и толерантность, трудолюбие и бережливость и др. Эк-

зистенциальный уровень моральной регуляции выявляется через морально-психологические переживания страха, стыда, совести. В исследовании Л. Кольберга, посвященном развитию морального сознания, обосновывается динамика его стадий, содержащих соответствующие переживания. (Работы Л. Кольберга достаточно широко использовались в философско-этической мысли, например, Ю. Хабермасом [7]). Так, на «преконвенциональном» уровне становления моральной регуляции субъект идентифицируется с групповым целым, следует условиям и моделям поведения группы, органичным для него («вместе», «как все»). Можно признать, экзистенциальное переживание страха, отторгнутости от целого, заброшенности оказывается основным морально-психологическим регулятивом человеческого существования. «Конвенциональный» уровень моральной регуляции может быть представлен договорами, кодексами, уставами, сводами правил (например, корпоративными), коррелирующими с определенными социально значимыми ролями. Сильнейшее экзистенциально-нравственное переживание подотчетности и стыда в случае нарушения закона (правил), возможного или реального недовольства социального окружения идентифицирует человека с социальным целым, но также укрепляет социокультурную иерархию, в которой значение общности по-прежнему доминирует. На «постконвенциональном» уровне существования развитой моральной субъективности моральный выбор определенных ценностей, поступков релевантен универсальному моральному закону, о чем свидетельствует экзистенциально-нравственный феномен совести.

Прикладная этика в рамках моральной составляющей исторической культуры реализуется в проектах ее институциональных и неинституциональных практик. К таким проектам относятся, например, исторические реконструкции. Именно через проекты практик исторической культуры осуществляются попытки вписывания прошлого в современность, непосредственного продолжения исторических традиций, сохранения памяти исторических событий и т.п. Этико-практические ориентиры прикладных проектов функционируют в диапазоне от морально-воспитательного воздействия до манипуляции в пропагандистских целях. Помимо этого, в трансдисциплинарных по характеру проектах исторических практик всегда решаются и морально значимые частные задачи, например, благоустройство территории в процессе подготовки традиционных праздников аграрной культуры (праздник «дажынкі» в Республике Беларусь). В конце концов именно в исторических практиках непосредственно проявля-

ется, закрепляется историческая идентичность, феномен которой вновь отсылает к экзистенциально-нравственным основаниям морального субъекта.

Подводя итоги, можно подчеркнуть, что на современной стадии исследований исторической культуры интерпретация ее моральной составляющей остается достаточно актуальной задачей гуманитарного знания. Философско-этические и этико-прикладные исследования не только эксплицируют моральный компонент, но и включаются в междисциплинарные изучения исторической культуры как целостного и сложно дифференцированного образования. Аналитический подход к моральной составляющей исторической культуры позволяет выделить ее экзистенциально-нравственные ценностные основания, регулятивный аспект (системы норм и морально-психологические «механизмы»), а также уровень прикладной этики, реализующийся в трансдисциплинарных проектах практик исторической культуры. Вместе с тем обращение к сущностным характеристикам морали и анализу морального компонента исторической культуры, эмпирическому материалу исторической культуры позволяет сделать вывод о фундирующей роли экзистенциальных смыслов в реализации моральной составляющей исторической культуры, ее экзистенциальном характере.

Список литературы

1. **Беляева Е.В.** Метаморфозы нравственности: динамика исторических систем нравственности / Е.В. Беляева. – Минск : Экономпресс, 2007. – 464 с.
2. **Киященко Л.П., Моисеев В.И.** Философия трансдисциплинарности / Л.П. Киященко, В.И. Моисеев. – М. : Институт философии РАН, 2009. – 203 с.
3. **Линченко А.А.** Глобализация и историческая культура // Историческая память в постнациональном мире: мифы, ритуалы, репрезентации / Под ред. А.А. Линченко : Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции. – Саратов : ИЦ «Наука», 2017. – С. 48-59.
4. **Общественная мораль**: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы / Под ред. Р.Г. Апресяна. – М. : Альфа-М, 2009. – 494 с.
5. **Оссовская М.** Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали / М.Оссовская. – М. : Прогресс, 1987. – 427 с.
6. **Репина Л.П.** Историческая культура как предмет исследования // История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. – М. : Кругъ, 2006. – С. 5-46.
7. **Хабермас Ю.** Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2000. – 379 с.

References

1. **Belyaeva E.V**. Metamorfozy nravstvennosti: dinamika istoricheskih sistem nravstvennosti. – Minsk: Ehkonompress, 2007. – 464 s.
2. **Kiyashchenko L.P., Moiseev V.I.** Filosofiya transdisciplinarnosti. – M.: Institut filosofii RAN, 2009. – 203 s.
3. **Linchenko A.A.** Globalizaciya i istoricheskaya kultura // Istoricheskaya pamyat v postnacionalnom mire: mify, ritualy, reprezentacii / Pod red. A.A. Linchenko: Sbornik statej po itogam vserossijskoj nauchnoj konferencii. – Saratov: IC “Nauka”, 2017. S. 48-59.
4. **Obshchestvennaya moral**: filosofskie, normativno-ehticheskie I prikladnye problemy / Pod red. R.G. Apresyana. – M.: Alfa-M, 2009. – 494 s.
5. **Ossovskaya M.** Rycar i burzhua: Issledovaniya po istorii morali. – M.: Progress, 1987. – 427 s.
6. **Repina L.P.** Istoricheskaya kultura kak predmet issledovaniya // Istoriya i pamyat: istoricheskaya kultura Evropy donachala novogo vremeni / pod red. L.P. Repinoj. – M.: Krug, 2006. – S. 5-46.
7. **Habermas J.** Moralnoe soznanie i kommunikativnoe dejstvie. – SPb.: Nauka, 2000. – 379 s.

Цитирование: ЖУКОВА С.П. (2018) Экзистенциальное значение моральной составляющей исторической культуры //Гуманитарные исследования Центральной России. 2018. № 3. С. 87-95.

Citation: ZHUKOVA S.P. Existential significnce of a moral component of historical culture. *Humanities researches of the Central Russia = Gumanitarnye issledovanija Central'noj Rossii.* 2018, no. 3, pp. 87-95.

УДК 316.3

ИМПЕРСКИЙ МИФ – «МЕТАУРОВЕНЬ» ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ

А.Г. Иванов

В статье рассмотрены особенности имперского мифа, сочетающего в себе два уровня социальной мифологии – «архаический» и «конъюнктурный», и отличающегося от обычного политического мифа потенциальной способностью продуцировать дополнительные смыслы, придавая общественным процессам новые измерения. Автор приходит к выводу, что в настоящее время социальный миф имеет больше шансов стать имперским в крупных государствах с доминированием традиционной или харизматической легитимности.

Ключевые слова: имперский миф; «архаический» и «конъюнктурный» уровни социальной мифологии; современный социальный миф; политическая мифология; идеология; легитимность.

THE IMPERIAL MYTH – A «META-LEVEL» OF POLITICAL MYTHOLOGY

A.G. Ivanov

The article deals with the specific characteristics of the imperial myth, which combines two levels of social mythology – «archaic» and «conjunctural», and differs from the simple political myth by the potential ability to produce additional meanings, giving new dimensions to social processes. The author comes to the conclusion that nowadays the social myth has more chances to become imperial in large states where traditional or charismatic legitimacy dominates.

Key words: imperial myth; «archaic» and «conjunctural» levels of social mythology; contemporary social myth; political mythology; ideology; legitimacy.

Статья выполнена в рамках гранта РФФИ 17-33-01056 а2 «Мифы о прошлом в современной медиасреде: практики конструирования, механизмы воздействия, перспективы использования»

В последнее время, когда речь идет о государстве и об идеологии, ключевое значение приобретают процессы мифотворчества, которые в политической сфере зачастую находят отражение в определенных идеологических построениях. Можно сказать, что фактически мифотворчество институциализируется через конкретные идеологии. Более того, каждое государство через господствующую в нем идеологию – формальную или неформальную – использует какой-либо миф или комплекс мифов. К примеру, в США распространен миф об американской исключительности. Но в центре нашего внимания в данной статье будет имперский миф.

Имперский миф можно рассматривать как своеобразную квинтэссенцию воплощения социального мифа в идеологии, квинтэссенцию эксплуатации идеологией социального мифа. Он возникает на определенной стадии развития государства, когда формируется общественный запрос на «имперскую мифологию». Однако назвать имперский миф просто политическим мифом, на наш взгляд, означает исказить его смысл, сузить его значение, подменить историю происхождения. Политическая мифология традиционно произрастает из интересов, она вторична и разрабатывается группами идеологического воздействия. Что касается имперской мифологии, то здесь этого недостаточно: необходимо именно совпадение интересов, политической элиты, с одной стороны, и с другой стороны, населения. То есть задаваемая элитой «имперская мифологическая картина мира» должна практически совпадать с общественными ожиданиями. Процесс формирования данной картины мира происходит примерно таким способом, который описан у К. Манхейма, когда «интеллигенция» задает обществу интерпретацию мира. Так, слой интеллектуалов, интеллигенции, по мнению К. Манхейма, становится со временем организованным в виде касты и монополизирует право проповедовать, учить и создавать свою интерпретацию мира. Это обусловлено двумя социальными факторами: «Чем в большей степени он становится выразителем некоего строго организованного коллектива (например, церкви), тем сильнее он склоняется в своем мышлении к “схоластике”. Задача этого слоя – придать догматически связывающую

силу тем способам мышления, которые прежде были значимы только для определенной секты, и тем самым санкционировать онтологию и гносеологию, имплицитно содержащиеся в этих формах мышления. Это преобразование вызвано необходимостью являть собой единый фронт в глазах посторонних. Второй характерной чертой этого монополистического типа мышления является его относительная отдаленность от открытых конфликтов повседневной жизни; следовательно, оно и в этом смысле “схоластично”, то есть академично и безжизненно. Этот тип мышления складывается не в непосредственной борьбе за решение жизненных проблем, не как результат испытаний и заблуждений или попыток господствовать над природой или обществом – он прежде всего удовлетворяет собственно потребности в систематизации, в силу которой все факты религиозной сферы и других сфер жизни соотносятся с традиционными данными и неконтролируемыми предпосылками» [6, с. 14-15].

Говоря об имперской мифологии, сразу следует отметить, что она выражает характерную черту социальной мифологии. Особенностью современной социальной мифологии является ее «двухуровневость»: сочетание «архаического» и «конъюнктурного» уровней. При этом «архаический» уровень содержит устойчивые архетипические образы, мифологемы и ритуалы, выработанные коллективно, в то время как «конъюнктурный» уровень предстает в качестве «мифологии идей», содержит результаты рациональной целенаправленной деятельности мифотворцев. Это обстоятельство определяет отличие социальной мифологии от частных мифологий, одной из которых является политическая мифология.

Основным недостатком любой политической мифологии считается, что такого рода мифология является «сильно рационализированной», имеет черты академизма, схоластики, то есть в известном смысле характеризуется отсутствием изначальной яркости, живучести, жизненности, которые в определенной мере свойственны социальному мифу. Такое отсутствие жизненности политического мифа означает не столько его гибель и трансформацию в нечто иное, сколько невозможность выполнять ряд позитивных, цементирующих, идентификационных функций. «Безжизненность» политического мифа оборачивается его трансформацией в догматическую идеологию, и одновременно с этим в обществе происходит пресыщение данным политическим мифом, общество становится менее динамичным, не способным к адекватному восприятию существующих политических мифов. В таком состоянии в более ста-

тичном обществе происходит нарушение баланса: вклад политической элиты в виде конструирования политических мифов становится избыточным. Общество оказывается объективно неспособным успешно функционировать в режиме, где только правящий класс оказывается заинтересованным в существовании «прежних политических мифов». Их приходится поддерживать искусственно, что не в полной мере отражает сущность современного социального мифа, разворачивающегося, помимо «конъюнктурного», также и на «архаическом» уровне. Несостоятельность политической мифологии демонстрирует пример СССР 1970-х годов: «К началу 70-х годов прошлого века советский миф постепенно теряет одно из необходимых свойств: он перестает восприниматься в качестве абсолютного знания, на основе которого члены общества осознают и оценивают происходящие события и принимают значимые решения. При этом “живой” миф долгое время продолжает существовать в виде текста, который при необходимости успешно вербализуется как в политическом дискурсе, так и на личностном уровне, однако как сам текст, так и содержащиеся в нем и постоянно воспроизводимые символы и ритуалы лишаются своей символической составляющий» [4, с. 126].

От умения политической элиты продуцировать «последовательные» социальные мифы, в том числе и политические, зависит стабильность социального развития до определенного времени. В случае же резких изменений, новаций может происходить слом устоявшихся моделей взаимодействия, приводящий общество к дезинтеграции, к изменению общественного сознания. В случае с СССР ярким примером, который привел к изменению ситуации в стране, стал феномен «перестройки».

Говоря о проблемах, связанных с функционированием политических мифов, нельзя не упомянуть о легитимности, так как именно от доверия к власти, к политическим лидерам во многом зависит, как долго смогут функционировать политические режимы с присущей им идеологией и мифологией.

Так, М. Вебер в зависимости от мотивов подчинения власти выделяет три основных типа легитимности:

- традиционную (основанную на обычаях и традициях, привычке повиноваться власти, вере в священность существующих порядков: власть носит личный характер, передается по наследству, освящается традиционными нормами и религией, она сакральна);

- харизматическую (ее источником являются качества личности харизматического лидера; этот тип легитимно-

сти обладает меньшей устойчивостью и запасом прочности, так как основывается на эмоционально-личностном отношении вождя и массы, то есть любая ошибка власти может привести к утрате ее харизмы, доверия народа к ее представителям);

- рационально-легальную (основанную на формально-рациональных процедурах и законах, на рационально понятом интересе, побуждающем людей подчиняться решениям правительства) [3].

Традиционная легитимность (традиционная власть, традиционное государство) свойственна монархиям; харизматическая легитимность наиболее характерна для периодов революционных перемен как переходная форма власти от традиционной к рациональной; рационально-легальная легитимность свойственна современным демократическим государствам.

Следует также отметить, что легитимность может осуществляться на различных уровнях:

- идеологическом (признание народом целей и ценностей данного политического режима, его идеологии);

- структурном (признание народом эффективности и законности существующих политических институтов, устройства государства);

- персональном (доверие населения к конкретным политическим элитам и политическим лидерам).

Имперский миф отличается тем, что возвышается над национальными и групповыми мифами, над любыми политическими мифами и представляет собой, с одной стороны, метауровень политической мифологии, с другой – современный социальный миф. В тех государствах, где в сознании граждан находится место для имперской мифологии, всюду возможно обнаружение дополнительных смыслов в общественных явлениях и процессах. В своей известной работе «Мифологии» Р. Барт приводит именно такой пример: «…я сижу в парикмахерской, мне подают номер “Пари-матча”. На обложке изображен юноша-негр во французской военной форме, он отдает честь, глядя куда-то вверх, очевидно на развевающийся там трехцветный флаг. Таков смысл зрительного образа. Но и при наивном, и при критическом восприятии мне вполне понятно, что означает этот образ для меня: он означает, что Франция – это великая Империя, что все ее сыны, без различия цвета кожи, верно служат под ее знаменем и что лучший ответ хулителям так называемого колониализма – то рвение, с каким этот чернокожий служит своим “угнетателям”» [2, с. 241]. Преимущество и основной эвристический потенциал имперского социального мифа заключен в этом бартовском двойном смысле, когда наглядность означаемого (в вышеуказанном

случае – «французская имперскость») проступает сквозь означающее (конкретная картинка на обложке).

Показателен в отмеченном выше бартовском двойном смысле пример из российской действительности при проведении государственной политики памяти. Речь идет о коннотациях даты 7 ноября, когда власть решила связать знаменательную дату не с революционными событиями 1917 года, а с состоявшимся в 1941 году парадом на Красной площади, имеющим сегодня, по мнению политического руководства, гораздо большее символическое значение: «…наблюдается крайне любопытная символическая подмена: событие, являвшееся по своей сути коммеморацией, само становится источником для коммемораций, приобретая, тем самым, самостоятельное значение. Суть этой подмены заключается в стремлении сфокусировать общественное внимание на параде 1941 г. в противовес революции 1917 г. В выступлениях политических деятелей и в официальных комментариях, сопровождавших историческую реконструкцию парада 1941 года в 2011 году, подчеркивается значимость этой даты, но только в связи с битвой под Москвой, положившей начало разгрому захватчиков» [1, с. 143]. Фактически здесь мы говорим уже о современных мифо-ритуальных практиках, представляющий собой явление общественной жизни, некую рационализированную, регламентированную форму общественного поведения, в ходе реализации которой, однако, проявляются и часто выходят на первый план основные свойства мифологического сознания [5]. Кроме того, современные мифо-ритуальные практики наглядно демонстрируют фактически весь спектр проявлений, относящихся к элементам политической и в широком смысле социальной мифологии. Например, актуализация исторической памяти через проведение парада в символическом месте; парада, посвященного сакральным датам, лидерам; парада, участие в котором зачастую способствует трансляции новых смыслов и ценностей.

Возвращаясь к имперскому социальному мифу, следует отметить, что грамотное нахождение и конструирование дополнительных смыслов посредством такого мифа и апеллирование к этим смыслам при реализации государственной политики (особенно, применительно к Российской Федерации, при реализации национальной политики) может получить отклик со стороны населения, что позволит в полной мере использовать огромный потенциал социального мифа. Главное здесь – не замыкаться на одних и тех же интерпретациях, а постоянно обновлять смыслы в зависимости от изменения ситуации в мире и обществе,

следить за «конъюнктурным» уровнем социальной мифологии.

В настоящее время социальный миф, на наш взгляд, имеет больше шансов стать имперским в крупных государствах; в государствах с доминированием традиционной или харизматической легитимности. Легитимность при этом может осуществляться на всех отмеченных выше уровнях, однако, на наш взгляд, наиболее важно проследить функционирование имперского мифа на структурном уровне легитимности. В частности, изменение мнения о социальных институтах (в результате несоответствия реальности представлениям о ней) может многое объяснить относительно дальнейшего развития имперского социального мифа. Так, дискредитация отдельных социальных институтов (например, политических партий, армии) может существенно подорвать действенность имперских социальных мифов, стать одним из факторов распространения новых социальных мифов, которые уже могут не характеризоваться органичным сочетанием «архаического» и «конъюнктурного» уровней.

Следует заключить, что каждое государство через господствующую в нем идеологию эксплуатирует комплекс социальных мифов. Квинтэссенцией воплощения социального мифа в идеологии, эксплуатации идеологией социального мифа в политической сфере является имперский миф.

Список литературы

1. Аникин Д.А. Топология социальной памяти: методологические основания и стратегии репрезентации / Д.А. Аникин. – Саратов : Изд-во СГУ, 2014. – 172 с.

2. Барт Р. Мифологии / Р.Барт. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2004. – 320 с.

3. Вебер М. Избранные произведения / М.Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

4. Евгеньева Т.В., Титов В.В. Образы прошлого в российском массовом политическом сознании: мифологическое измерение / Т.В. Евгеньева, В.В. Титов // Политическая наука. - 2017. - № 1. - С. - 120-137.

5. Иванов А.Г. Мифо-ритуальные практики: культурный феномен, элемент традиционного и основа современного мифологического сознания / А.Г. Иванов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. - 2009. - № 87. - С. 7-18.

6. Манхейм К. Идеология и утопия / К. Манхейм // Диагноз нашего времени. – М. : Юрист, 1994. – С. 7-276.

References

1. Anikin D.A. Topologja social'noj pamjati: metodologicheskie osnovanija i strategii reprezentacii. – Saratov: Izd-vo SGU, 2014. – 172 s.
2. Barthes R. Mifologii. – M.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 2004. – 320 s.
3. Weber M. Izbrannye proizvedenija. – M.: Progress, 1990. – 808 s.
4. Evgen'eva T.V., Titov V.V. Obrazy proshlogo v rossijskom massovom soznanii: mifologicheskoe izmerenie // Politicheskaja nauka. -2017. -№ 1. -S. 120-137.
5. Ivanov A.G. Mifo-ritual'nje praktiki: kul'turnyj fenomen, jelement tradicionnogo i osnova sovremennogo mifologicheskogo soznanija // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. -2009. -№ 87. -S. 7-18.
6. Mannheim K. Ideologija i utopija // Diagnoz nashego vremeni. – M.: Jurist, 1994. S. 7-276.

Цитирование: ИВАНОВ А.Г. (2018) Имперский миф – «метауровень» политической мифологии //Гуманитарные исследования Центральной России. 2018. № 3. С. 96-103.

Citation: IVANOV A.G. The imperial myth – a «meta-level» of political mythology. *Humanities researches of the Central Russia = Gumanitarnye issledovanija Central'noj Rossii.* 2018, no. 3, pp. 96-103.

Сведения об авторах

Воробьева Светлана Анатольевна - заведующий кафедрой музыкальной подготовки и социокультурных проектов ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, кандидат педагогических наук (г. Липецк, Россия)
E-mail: svetvorob26@mail.ru

Гайтерова Кристина Юрьевна - магистрант Института истории и культуры Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (г. Елец, Россия)
E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

Жукова Светлана Петровна - старший преподаватель кафедры философии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск, Белоруссия)
E-mail: spzhukova8@gmail.com;

Иванов Андрей Геннадиевич – доцент, заведующий кафедрой философии Липецкого государственного технического университета, доктор философских наук (г. Липецк, Россия).
E-mail: agivanov2@yandex.ru

Кузьмина Елена Владимировна - доцент кафедры психологии, педагогики и специального образования ЛГПУ имени П.П.Семёнова-Тян-Шанского, кандидат педагогических наук (г. Липецк, Россия)
E-mail: evk2121@yandex.ru

Линченко Андрей Александрович – доцент, научный сотрудник ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Липецкий филиал Финуниверситета), кандидат философских наук (г. Липецк, Россия)
E-mail: linchenko1@mail.ru

Ляпин Денис Александрович – доцент кафедры истории и археологии Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, доктор исторических наук (г. Елец, Россия)
E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

Малетина Екатерина Александровна - старший научный сотрудник Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Липецк, Россия)
E-mail: maletina-kat@mail.ru

Петрухинцев Николай Николаевич - профессор Липецкого филиала РАНХиГС (г. Липецк, Россия)
E-mail: nicpetrukhintsev@yandex.ru

Information about authors

Svetlana A. Vorobyova – Ph.D. (Pedagogy), Head of the Chair of musical training and socio-cultural projects, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia)

Christina Yu. Gaiterova – master, Institute of History and Culture, Yelets State I. A. Bunin University (Yelets, Russia)

Svetlana P. Zhukova – senior lecturer, Chair of Philosophy, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, (Minsk, Belarus)

Andrew G. Ivanov – Dr. Sci(Philosophy), docent, Head of the Chair of Philosophy, Lipetsk State Technical University(Lipetsk, Russia)

Elena V. Kuzmina – Ph.D. (Pedagogy), docent, Chair of Psychology, Pedagogy and Special Education , Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russia)

Andrei A. Linchenko – Ph.D. (Philosophy), docent, researcher of Lipetsk branch of Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russia)

Denis A. Lyapin – Dr. Sci (History), docent, Chair of History and Archeology, Yelets State I. A. Bunin University (Yelets, Russia)

Ekaterina A. Maletina – senior researcher of the Federal government establishment «Research Institute of the Federal Penitentiary Service" (Lipetsk, Russia)

Nikolay N. Petrukhintsev – professor, Lipetsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, (Lipetsk, Russia)

Информация для авторов

1. Редакция принимает материалы, соответствующие тематике журнала, отвечающие требованиям самостоятельного научного исследования (актуальность, научная новизна, достоверность сведений). Предоставляемые материалы не должны быть опубликованы ранее в других изданиях.

2. Статьи для рассмотрения возможности их публикации в журнале присылаются на адрес электронной почты: gicr-lspu@yandex.ru Редакция обязательно подтверждает получение рукописи в течение трех дней. Присылаемый материал регистрируется в редакции с указанием даты поступления, Ф.И.О. автора или авторов, места работы, контактов, названия материала.

3. К рассмотрению принимаются тексты объемом до 0,5 авторского листа (20 000 знаков с пробелами), оформленные в соответствии с предъявляемыми редакцией требованиями.

4. Автор/авторы направляют в редакцию следующие файлы:

• Файл со статьей. Название: Иванов_статья.

• Информация об авторе/авторах **(на русском и английском языках)**. Название: Иванов_справка.

Информация об авторах включает в себя: ФИО, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, сфера научных интересов, контакты (телефон, адрес электронной почты, почтовый адрес с указанием индекса, название статьи).

• Аспиранты и соискатели направляют в редакцию отсканированный отзыв научного руководителя с заверенной подписью. Название: Иванов_отзыв.

В отзыве обязательно наличие фразы о том, что статья рекомендована к публикации.

5. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и тщательно вычитана автором. **Материалы, не соответствующие выдвигаемым реакцией критериям, редакционной коллегией не рассматриваются.**

6. **Технические параметры:** текст набирается в программе Word: размер шрифта – 14, гарнитура – Times New Roman, межстрочный интервал – 1,5, поля – 2 см со всех сторон. Объем статьи – до 0,5 а.л. (20 000 знаков с пробелами). Абзацный отступ – 1 см.

7. **УДК** – выравнивание по левому краю.

8. **Заглавие статьи** – на русском и английском языках, выравнивание по центру, заглавные буквы, полужирный шрифт. Названия работ должны быть информативными, краткими и отражать суть тематического содержания материала.

9. **Инициалы и фамилия автора** – на русском и английском языках, выравнивание по центру, строчные буквы, полужирный шрифт.

10. **Аннотация** – на русском и английском языках, курсив, объем – до 10 строк. В тексте аннотации раскрывается не научная проблема, а содержание статьи – актуальность, предмет, объект, методы, научная новизна.

11. **Ключевые слова** – на русском и английском языках, 5-7 слов и словосочетаний.

12. **Список литературы** оформляется в алфавитном порядке. Каждый пункт должен включать в себя: фамилию и инициалы автора/авторов, заглавие работы, место издания, издательство, год издания, количество страниц для книг, диапазон страниц – для статей в журналах и сборниках. **Список литературы в обязательном порядке приводится также в соответствии с правилами транслитерации.**

13. **Ссылка** в тексте статьи включает в себя указание в квадратных скобках на номер цитируемой работы из списка литературы, а также через запятую – страницы. Пример: [5, с. 321], [1, с. 12; 8, с. 12-14].

14. **Таблицы** в тексте имеют сквозную нумеруются и заголовок, в тексте на таблицу дается ссылка, например: (см. табл. 5).

15. **Иллюстрации** следует представлять отдельным файлом и сопровождать подписями. В тексте должны присутствовать ссылки на иллюстрации, например: (см. рис. 2).

16. **Формулы** должны быть набраны в редакторе формул программы Word. Перенос формул допускаются на знаках «плюс» и «минус», реже – на знаке «умножение». Эти знаки повторяются в начале и в конце переноса. Формулы следует нумеровать (нумерация сквозная по всей работе арабскими цифрами). Номер формулы заключают в круглые скобки у правого края страницы.

Instructions for the Contributors/Authors

1. The Editorial Board accepts the submissions that correspond to the subject matter of the journal and which consist of original work (having topicality, scientific novelty of the original research and credibility of information) that has not been previously published and is not under consideration for publication elsewhere.

2. The Contributors are kindly asked to send their papers at gicr-lspu@yandex.ru where they are first reviewed and selected. The Editorial Board confirms the receipt of the manuscript within 3 days and it also registers the date of the receipt of the submissions, the name(s), place of work and contacts of the author(s) as well as the names of the materials sent.

3. The papers submitted which fully confirm to the requirements of the Editorial Board should not exceed 0,5 of the author's sheet in length (maximum 20,000 characters, including spaces).

4. The Contributors are asked to send the following materials to the Editorial Board:

- Manuscript in MS Word file entitled like in this example: Ivanov_article.
- Information about the author(s) (**in Russian and English**) which includes surname, name and patronymic, place of work, occupation, academic degree, academic title, the scope of scientific interests and contacts (telephone number, e-mail address, postal address, zip, the title of the article). This file should be entitled like in this example: Ivanov_information.
- Postgraduate students and external PhD students are to submit to the Editorial Board scanned evaluation reference from their research advisor whose signature must be duly certified. This file should be entitled like in this example: Ivanov_ evaluation reference. Such evaluation reference must necessarily contain the phrase that the manuscript is recommended for publication.

5. **Papers sent must be thoroughly revised by the author(s) and fully comply with the requirements listed below. Otherwise, the paper is normally rejected**.

6. **Technical parameters**: the text is an MS Word file, font size – Times New Roman font, 14 pt throughout, single-and-a-half-spaced, 2-cm margins on all sides, 1-cm paragraph indention. The paper should not exceed 0,5 of the author's sheet in length (maximum 20,000 characters, including spaces).

7. **UDC** should be set at the left margin.

8. **The heading of the article** in Russian and English should be centred, in capital letters, bold emphasis. The headings are expected to be short and informative, thus reflecting the thematic approach of the research conducted.

9. **Author's initials and surname** in Russian and English should be centred, in lower-case letters, bold emphasis.

10. The relevant line length of the **Abstract** printed in italics in Russian and English is up to 10 lines. The information given in the Abstract should cover the contents of the article (topicality, subject, object, methods and scientific novelty) rather than scientific problem.

11. **Key words** in Russian and English are normally 5-7 words and word combinations.

12. **References** are to be listed in alphabetical order. Authors should ensure that every item in the References at the end of the article includes the initials and the surname of the author/co-authors, the heading of the article, the place and the year of publication, publishing house, the number of the pages, and the page-number spans are to be provided for the articles taken from journals and collections of articles. **References should also necessarily be given in accordance with the rules of transliteration**.

13. **Footnotes** in square brackets should be numbered in accordance with the References at the end of the article which are cited in text and include the number of the page which is preceded by a comma. E.g. [5, p.321], [1,p.12; 8, p. 12-14].

14. **Tables** should have continuous page numbering and title and be referred to in the text of the article. E.g. (see Table 1).

15. **Figures** must be presented in a separate file and have captions. They should be referred to in the text of the article. E.g. (see Fig. 1).

16. **Formulae** are to be presented in MS Word Equation Editor and be separated only at he signs of "plus" and "minus" and sometimes "multiplication". These signs are repeated at the beginning and at the end of a separated formula. The formulae should have continuous page numbering in Arabic numerals. The number of each formula goes in parentheses at the right margin of the page.

Редактор-корректор – В.И. Буланова

Художественное и графическое редактирование,
компьютерная верстка – О.Е. Булхова

Перевод – Е.Г. Трунова

Территория распространения – Российская Федерация.

Подписано в печать 01.10.2018 г.
Дата выхода в свет 22.10.2018 г.
Формат 70 × 108 1/16.
6,3 п. л.
Тираж 100 экз.
Заказ № 1447.
Свободная цена

Редакция журнала «Гуманитарные исследования Центральной России».
398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, 42.
http://lspu-lipetsk.ru/giceros

Отпечатано в отделе редакционно-печатной деятельности федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
398020, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Ленина, 42

Editor-correctos V.I. Bulanova

Translation E.G. Trunova

Art and graphical editing, desktop publishing O.Ye. Bulkhova

Distributed in Russian Federation.

Signed to print 01.10.2018 г.
Date of publishing 22.10.2018.
Sheet size 70 × 108 1/16.
6,3 printed sheets.
Number of copies 100.
Order no. № 1447.
Free price

Editorial office: 42, Lenina St., 398020, Lipetsk, Lipetsk region, Russia

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University Printshop: 42, Lenina St.,
398020, Lipetsk, Lipetsk region, Russia